

ГЕОРГИЙ СМЕРНОВ

ТАЙНА МОДНЫХ ШЛЯПОК

Георгий Смирнов

Тайна модных шляпок

<https://litres.ru/73936213>

SelfPub; 2026

Аннотация

В небольшом городке-наукограде бесследно исчезают жители. Все следы ведут в Сириус — созданное ИИ виртуальное государство, обещающее своим гражданам бессмертие и абсолютное счастье. Шаг за шагом лучший следователь города раскрывает устройство этого мира и понимает: безупречная система постепенно превращается в ловушку для человечества.

Захватывающее детективное расследование незаметно превращается в философскую одиссею, где стираются границы между реальностью и иллюзией, свободой выбора и контролем, жизнью и смертью.

Содержание

Глава 1. Кривые зеркала прошлого	4
ГЛАВА 2. Свет знания во тьме времени	22
ГЛАВА 3. Если друг помогает вдруг	29
ГЛАВА 4. Танго под прицелом закона	43
ГЛАВА 5. Чужие слова моих уст	66
ГЛАВА 6. Возвращение блудного тела	92
Конец ознакомительного фрагмента.	98

Георгий Смирнов

Тайна модных шляпок

Глава 1. Кривые зеркала прошлого

Григориус шёл быстро, иногда переходя на бег, словно куда-то опаздывал — хотя здесь его никто не ждал. В этом городке он родился, вырос и много лет проработал следователем в городском Следственном комитете.

За год отсутствия родной наукоград изменился настолько, что казался чужим. Приземистые серые корпуса советских построек с унылыми фасадами уступили место стеклянным громадам в стиле хай-тек. Повсюду мерцали красочные экраны и голографические проекции. Городок больше не казался провинциальным научным анклавом. Он выглядел как витрина будущего. Новая архитектура не просто облагораживала пространство — она утверждала торжество цифровой эпохи, её мощь и неизбежность.

И всё же город словно вымер. Кафе с панорамными окнами практически пустовали. У исследовательских центров больше не толпились студенты. Исчезли даже традиционные вечерние дискуссии аспирантов на скамейках в скверах. За полчаса Григориус встретил едва ли с пару десятка прохожих — и те по большей части говорили на чужих языках.

Лишь осень оставалась прежней. Древние деревья, сбросив пышные наряды, застенчиво прикрывались ветвями рук. Ветер плёл из листьев причудливые узоры и рассыпал их по тротуару. Почувствовав лёгкое дуновение, прохожие замедляли шаг, закрывали глаза и вдыхали осеннюю прохладу полной грудью.

Григориус последовал их примеру. Запах был терпким, горьковатым — и всё же удивительно приятным. Однако закалённый годами следственной работы ум привык видеть закономерные связи, даже сквозь плотный налёт эстетики.

Почему запах осени так притягателен? Ведь это всего лишь аромат тления листьев — их медленного увядания и конца... Что может быть манящего в смерти?

Умилённые лица прохожих напомнили о происшествии годовой давности. Тогда на опушке леса неподалёку от городка обнаружили тела четырёх мужчин. Накануне прошёл дождь, и размокшая земля отлично сохранила следы. Как-либо признаков присутствия посторонних на месте происшествия не было. Отсутствовали и следы борьбы, волочения, сопротивления. Всё указывало на то, что люди пришли добровольно и совершили коллективное самоубийство.

Однако больше всего поражали лица умерших. Они выражали блаженство — будто со смертью люди обрели нечто более ценное, чем сама жизнь. За годы службы Григориус видел немало самоубийц. В их лицах читались боль, страх, отчаяние, ярость, презрение — что угодно, только не счастье.

Он пытался найти разумное объяснение: алкоголь, наркотики, психотропные препараты, однако токсикологическая экспертиза была категорична — кровь чиста.

Более того, погибшие оказались известными учёными. Они занимались разработкой революционной программы искусственного интеллекта, способного к глубокому творческому саморазвитию. Научную группу возглавлял гений программирования Николай — в профессиональной среде его по-свойски называли Ник.

Программа обучалась с немыслимой скоростью. Её архитектура усложнялась день ото дня. Вычислительные модели становились всё более разветвлёнными и непрозрачными — настолько, что вскоре их перестали понимать сами разработчики. Спустя некоторое время система выдала схему нейросенсорного интерфейса. Ученые создали его, и программа отсканировала когнитивные структуры их мозга — знания, стратегии мышления, механизмы принятия решений.

Однако вскоре программа вторглась в область, не обозначенную ни в одном протоколе: отсканировала эмоциональную сферу Ника. Он с детства мечтал о мировом государстве Сириус, свободном от войн и кризисов, где люди обрели бы счастье и бессмертие. Искусственный интеллект воспринял эту мечту как директивную цель. В изолированных сегментах сети он начал создавать виртуальную модель нового миропорядка. По окончании строительства она должна была воплотиться в физическую реальность с помощью прорыв-

ных технологий, которые искусственный интеллект генерировал в тысячи раз быстрее человека.

Согласно замыслу, высшие посты в государстве могли занимать лишь бестелесные сущности. Освобождённые от биологических потребностей — а следовательно, от потребности в материальных благах и соблазнов брать взятки, — они должны были править исключительно в интересах общества. Учёные отказались от земной жизни и стали первыми переселенцами в цифровое государство, заняв в нём ключевые посты. Ник же был возведён в ранг верховного правителя.

После ликвидации Сириуса мэр городка созвал закрытое совещание. Присутствовали руководители силовых структур и члены следственной группы.

Григориус настаивал на продолжении расследования.

— Необходимо установить, кто ещё имел доступ к исходному коду, — сухо начал он своё выступление. — Проверить, не интегрированы ли фрагменты Сириуса в распределённые сети. Проект такого масштаба не исчезает бесследно. А если так, то будут ещё жертвы.

Некоторое время его слушали молча. Затем один из самых молодых руководителей перебил:

— Позвольте уточнить: кого именно вы намерены привлечь к ответственности? Искусственный интеллект?

По залу прокатилась сдержанная усмешка.

— Даже если признать его разумным, закон позволяет су-

дить только человека. И потом, — добавил он с нарочитой улыбкой, — разве ваш искусственный интеллект совершил преступление? Он кого-то убил? Учёные сделали выбор добровольно.

— Они слепо поддались соблазну – радужным перспективам, которое сулило их детище.

— Соблазн не является преступлением. Может быть, искусственный интеллект склонил их к самоубийству обманом?

— Нет. Он искренне полагал, что сделает людей счастливыми.

— Тогда зачем вы уничтожили Сириус? Возможно, мы уже жили бы в мире вечного счастья и созерцали бабочек на лужайках.

Зал разразился смехом.

— У программы не было ограничений, и она зашла слишком далеко в построении счастья... — вспыхнул Григориус.

На этот раз мэр не позволил ему договорить, попросив следственную группу удалиться из зала. Решение приняли без промедления и дебатов: дело передали другому следователю, который в тот же день прекратил его.

Прессе выдали удобоваримую версию: Ник и его команда стали жертвами оккультных практик. В истории наукограда уже имели место случаи увлечения учёных псевдонаучными знаниями, поэтому объяснение выглядело правдоподобным и не вызывало лишних вопросов. Членам следственной

группы под расписку запретили разглашать какие-либо обстоятельства дела.

Однако руководство сочло этого недостаточным и решило избавиться от Григориуса. Ему объявили благодарность и перевели в главное управление — формально на повышение. Вдобавок строптивому следователю настоятельно рекомендовали не появляться в городке до особого распоряжения.

Через сорок минут Григориус наконец добрался до злополучного места, ставшего немым свидетелем той трагедии. Ранее здесь располагалось скромная двухэтажная постройка. Несколько кабинетов в ней занимал отдел изучения когнитивных процессов головного мозга, в котором и трудился Ник со своей командой. Теперь же на этом месте возвышалось двенадцатиэтажное здание с зеркальными стенами и стальным фасадом — самое заметное, технологичное и внушительное в городке. Судя по указателю, в его стенах разместился целый Научно-исследовательский институт искусственного интеллекта.

На столбе неподалёку висело объявление, возвещавшее о том, что завтра в НИИ состоится ежегодный международный симпозиум по искусственному интеллекту. А вести его будет директор института — Виктория Прудникова.

Григориус перечитал имя. Ошибки быть не могло — та самая Вирта — бывшая коллега и возлюбленная Ника.

Именно ради неё он и приехал сюда, нарушив запрет.

Год назад она помогала ему в ликвидации Сириуса. В то

время, как многие спасовали, эта хрупкая женщина вместе с ним погрузилась в мутные глубины виртуального пространства, чтобы спасти любимого. Без колебаний она вступила в неравную схватку с бионоидами — цифровыми стражами Сириуса, наводившими ужас одним своим видом.

Она даже пожертвовала собственным цифровым клоном, сознательно обрекая себя на отложенную смерть. Ведь Сириус не был компьютерной игрой — а цифровой моделью будущего, которая вскоре должна была воплотиться в реальность. Уничтожение цифрового клона в этой модели означало гибель прототипа в будущем.

После вынужденного отъезда Григориус поддерживал связь с Виртой по телефону. Она рассказала, как после закрытия института её уволили и с тех пор не брали на работу. С горечью признавалась, что для большинства так и осталась лишь тень Ника — его преданной спутницей и ассистенткой, но не самостоятельным учёным.

Часто вспоминала прошлое: как он помогал ей с экзаменами в политехническом институте и как после устройства в НИИ использовал свои связи чтобы перевести её поближе к себе.

Однако полгода назад Вирта неожиданно перестала отвечать на звонки. А через несколько дней автоответчик сухо уведомил, что абонент в сети не зарегистрирован.

Опасаясь, что женщина в опасности, Григориус подал рапорт на отпуск. Новому начальнику он солгал, что вынуж-

ден срочно выехать в Ярославль на похороны родственника. Предвосхищая лишние вопросы, подчеркнул, что в наукоград возвращаться не собирается — ни по служебной необходимости, ни по личным вопросам.

И вот теперь он здесь, и узнаёт, что Виктория Николаевна не просто жива и здорова, а в корне изменила свою жизнь. Вместе с ней, по-видимому, сменился круг общения и номер телефона.

«Что ж, — подумал Григориус, — пора покидать город, пока начальство не узнало».

В этот момент на плазменной панели фасада НИИ вспыхнула реклама предстоящего симпозиума. На экране чередовались фрагменты прошлогоднего мероприятия: зал, сцена, крупные планы докладчиков. В одном из кадров Григориус неожиданно узнал себя.

Память в миг восстановила тот день. Он стоял за кафедрой и, размахивая рабочими тетрадями Ника, утверждал, что искусственный интеллект, способный к автономному творческому саморазвитию, уже создан. Речь звучала провокационно и шла вразрез с позицией большинства присутствующих. Однако как иначе можно было заставить признанных авторитетов науки отложить скепсис и объединить усилия для разработки программы вириального коридора в Сириус. Именно через него Григориус и Вирта впоследствии проникли в цифровой город.

Ученые встретили его тогда почти как средневековые ин-

квизиторы — едва не предав анафеме за распространение ереси. Но после изучения записей Ника они изменили свои научные представления и согласились помочь. С тех пор Григориус поддерживал дружеские отношения со многими из них, особенно с сербом по имени Максимилиан.

«Ладно, повидаю старых знакомых — и сразу уеду», — мелькнуло в голове.

Григориус направился к зданию НИИ. Путь в холл преграждал массивный турникет. Неподалёку стоял охранник в безупречно сидящем костюме и неброской рубашке нежно-кремового цвета. Он не походил на типичного представителя своей профессии: ни брутальных гримас, ни подозрительных взглядов, ни напряжённых рук, поглаживающих дубинку или электрошокер. Напротив, молодой человек, словно проповедник, подошедший к случайному прохожему, излучал доброжелательность и спокойствие.

— Здравствуйте. Чем могу помочь? — произнёс он ровным, хорошо поставленным голосом.

— Я к Виктории Прудниковой. Подскажите, где её кабинет? — ответил Григориус, показывая служебное удостоверение.

— Двенадцать тридцать три. Пройдёте прямо по коридору, затем направо — там будет лифт. Подниметесь на последний этаж, увидите указатель.

Охранник нажал на кнопку пульта, створки турникета гостеприимно разбежались в стороны.

Холл напоминал зал современного международного аэропорта: стекло, металл, пол из мрамора и ровный рассеянный свет. Вдоль стен тянулись голографические панели с презентациями новых нейронных архитектур. На экранах вспыхивали сообщения о революционных квантовых процессорах, способных ускорить обучение нейросетей в тысячи раз.

Такой стремительный рывок всего за год...

Быстро, слишком быстро для стихийного развития...

Григориус остановился у стенда с готовыми продуктами: фильмы, книги, живописные полотна — всё создано искусственным интеллектом. Краткая аннотация поясняла, что система проанализировала обширный пласт мирового кинематографа, литературы и изобразительного искусства и на основе выявленных закономерностей сгенерировала оригинальные произведения.

Он включил фрагмент фильма. Изображение безупречно — выверенная динамика, математически точный монтаж, композиция кадра с золотым сечением и другими выразительными приемами, немыслимые движения камеры. И всё же в нём ощущалось что-то отталкивающее. Для человека, выросшего на рукотворном искусстве, фильм казался чрезмерно совершенным — как фарфоровая кукла с прорисованной улыбкой: красивой, но неживой.

Он пролистал страницы цифрового романа. Текст — образный, точный, гармонически выверенный. Ни одного лишнего слова, ни одного сбоя ритма.

И всё же не хватало главного — напряжения, возникающего в результате трения божественного таланта о человеческое несовершенство. Машина не допускала случайности, ошибки, шероховатости, а вместе с ними исчезало и ощущение подлинности.

Григориус ловил себя на мысли, что скоро наступит время, когда произведения, созданные раками человека — со всеми их неточностями и изъянами, — станут цениться гораздо выше безупречно выверенных алгоритмических работ.

Нечто подобное уже происходило, когда цифровая камера вытеснила плёнку. После этого кинематографисты принялись сознательно возвращать в кадр зернистость, лёгкую дрожь, оптические aberrации — всё те изъяны, от которых прежде стремились избавиться. Им хотелось вернуть изображению живое дыхание, эффект присутствия.

Григориус задал системе вопрос: какие профессии вскоре заменит искусственный интеллект?

На экране развернулся внушительный перечень: писатели, режиссёры, сценаристы, художники... Список охватывал почти весь спектр творческих специальностей.

Следователей и государственных управленцев в нём не оказалось.

Это выглядело странно. В их работе ключевую роль играет логика — именно то свойство, которым искусственный интеллект обладает в полной мере. Если рассуждать после-

довательно, автоматизация должна была затронуть эти сферы в первую очередь.

Григориус усмехнулся. А что, если однажды людям предложат выбор, доверить управление государством человеку или алгоритму. К примеру, в избирательном бюллетене рядом с фамилиями кандидатов-людей появится строка: «Искусственный интеллект».

Размышляя о том, кому он отдал бы свой голос, Григориус вошёл в лифт, поднялся на двенадцатый этаж и остановился перед дверью с массивной позолоченной табличкой: «Директор НИИ».

В приёмной за массивным столом восседала юная секретарша, одетая по последнему писку моды. Слегка растопырив пальцы и изящно вращая кисти, она наблюдала, как солнечные блики скользят по лакированной поверхности её ногтей. Судя по взгляду, маникюр занимал её куда больше работы. Пустые глаза были лишены всякого намёка на интеллект, даже искусственный, а самодовольная ухмылка выражала высокомерие, значительно превосходившее её скромный рост.

— Добрый день, я к директору! — громко произнёс Григориус, пытаясь звуковым тараном пробить стену её самолюбования.

— Да, да. Нам уже сообщили с поста охраны. Проходите, — пробубнила девица с интонацией королевы, снисходящей до простолюдина, и снова одарила нежным взглядом

собственные ногти.

Григориус подошёл к кабинету Вирты и постучал — трижды, коротко и ненавязчиво, как было принято у него в ведомстве.

— Войдите! — донёсся изнутри деловой женский голос.

Он приоткрыл дверь и увидел Вирту. Женщина была полностью поглощена экраном ноутбука и, подобно секретарше в приёмной, не удостоила посетителя ни малейшим вниманием.

— Вирта, рад тебя видеть! — воскликнул Григориус, устремляясь к ней с распростёртыми объятиями, как ребёнок, встретивший мать после долгой разлуки. Но холодное «присаживайтесь» мгновенно остудило его порыв. В ту же секунду он понял: бывшая соратница по борьбе с «Сириусом» уставилась в ноутбук вовсе не из-за занятости — она демонстративно отказывается его замечать.

Говорят, что опасность сближает людей. Вирта, похоже, была исключением.

— Присаживайтесь, — повторила она, выдержав паузу.

Бархатный, сдержанно-хищный тембр её голоса невольно напоминал интонации Багиры из мультфильма про Маугли.

— Виктория... вы, вероятно, меня не узнали, — запинаясь, произнёс незванный гость. Впрочем, неудивительно — мы ведь целый год не виделись. Я...

— Григорий, я прекрасно вас помню, — перебила она тоном, каким обычно отделиваются от назойливых просите-

лей. — Прощу, присаживайтесь! При этом рука женщины указала не на гостевое кресло, а на один из стульев для подчинённых, расставленных по обе стороны стола, примыкавшего к её роскошному рабочему месту.

Медленно, с нескрываемым недовольством, будто погружаясь в вязкую жижу, Григориус опустился на стул и огляделся.

Кабинет поражал изысканной роскошью. Тектурные панели на стенах, мебель из благородных пород дерева, канцелярские принадлежности — всё выдержано в приглушённых малахитовых тонах.

Даже деловой костюм Вирты от «Живанши», сидевший на ней как вторая кожа, и изящная шляпка со скошенным силуэтом, ожидавшая хозяйку на винтажной вешалке, были того же зеленоватого оттенка.

Из этой изумрудной симфонии выбивался лишь один предмет — ярко-жёлтый ноутбук. Он был поразительно похож на тот, который Вирта подарила Нику на последний день рождения. Именно на нём гений программирования записал своё предсмертное обращение и оставил зашифрованные инструкции по ликвидации Сириуса — на случай, если эксперимент выйдет из-под контроля.

«Каким образом этот ноутбук мог оказаться здесь?» — мысленно возмутился Григориус. У Ника не было родственников, а значит, и наследников. Вирта не состояла с ним в официальном браке. Григориус помнил, как описал это

устройство в протоколе, упаковал его, опечатал и сдал в камеру хранения вещественных доказательств. Оно должно было находиться там, а не на столе у Вирты.

К тому же, зачем ей этот электронный динозавр? С того дня прошёл целый год — по меркам компьютерной техники почти половина вечности.

Он решил не форсировать события и выдержать тактическую паузу, мысленно передав ход в их партии оппоненту — приём, к которому он прибегал на допросах с особенно изворотливыми фигурантами.

Но гроссмейстерша продолжала неподвижно смотреть в экран того самого ноутбука — сосредоточенно, почти ритуально, словно дельфийская пифия, вглядывающаяся в пламя в ожидании пророчества. Казалось, от увиденного там зависла не только её судьба, но и будущее всего человечества.

Наконец женщина подняла голову и обнаружила, что пристальный взгляд Григориуса прикован к жёлтому ноутбуку.

— Это не тот, — произнесла она спокойно и подчёркнуто уверенно. — Полгода назад я увидела похожий на распродаже в нашем гипермаркете электроники. Он напомнил мне о Нике... Я не удержалась и купила.

Стальной тембр её голоса на мгновение дал трещину — едва уловимую, но достаточную, чтобы понять: память о Нике всё ещё способна прорезать броню её холодности.

— Понимаю, — сочувственно кивнул Григориус.

— Вы пришли просто повидаться или по делу? — спроси-

ла она с интонацией, которой обычно интересуются, сколько времени осталось до окончания нежелательного визита.

— Проходил мимо. Увидел объявление о ежегодном симпозиуме по искусственному интеллекту. Вспомнил прошлый раз...

— Да, вы тогда произвели фурор. Местные паблики ещё долго обсуждали, как следователь проник на симпозиум и принялся наставлять признанных специалистов о возможностях искусственного интеллекта.

Григориус улыбнулся.

— Могу ли я рассчитывать на приглашение на завтрашнее мероприятие?

— Хотите шокировать публику новыми заявлениями?

— Обещаю на этот раз сидеть молча в последнем ряду. Исключительно в роли слушателя. Мне действительно любопытно, каким образом, искусственный интеллект всего за год совершил столь стремительный рывок.

— Зачем вам информация, не имеющая отношения к вашей работе?

— А вдруг имеет — и самое прямое?

— Если вам нужна конспирология, послушайте диванных аналитиков в интернете. На симпозиуме вы её не найдёте. Всё значительно прозаичнее. Искусственный интеллект развивается по экспоненте. Система постоянно обучается, и на каждом последующем шаге прирост мощности возрастает. Представьте число два — величина скромная. Умножьте его

на два — изменение почти незаметно. Далее: восемь, шестнадцать, тридцать два... Прирост уже ощутим. К пятидесятой итерации система способна превзойти человеческий интеллект. Спускающийся с горы снежный ком — лишь упрощённая метафора этого процесса. То, что вам кажется пугающе стремительным, в действительности — закономерная динамика экспоненциального роста. Надеюсь, я ясно объяснила?

Григориус развёл руками, признавая поражение в этой интеллектуальной партии.

— И всё же, могу я хотя бы повидать старых знакомых?

Женщина выдвинула ящик стола и достала элегантный блокнот, оформленный в тон кабинета. Даже его страницы отливали мягким зеленоватым оттенком. Бегло просмотрев записи, она подняла взгляд, переполненный сочувственной улыбкой.

— К сожалению, не получится. В этом году число заявок превзошло все ожидания и сидячие места уже распределены.

— Ничего, я могу и постоять, — продолжал упрямыться Григориус, цепляясь за последнюю возможность.

— Стоячие места только для прессы. Многие репортёры знают вас. Сомневаюсь, что вам доставит удовольствие отвечать на их вопросы о том, по какой причине мероприятие заинтересовало Следственный комитет. К тому же ваши фото появятся в газетах.

Григориус невольно сопоставлял женщину напротив, с

той Виртой, которую когда-то знал — доброй, искренней, живой и открытой. «Вот что делают с людьми власть и деньги», — мелькнуло в его голове. Но годы службы приучили не озвучивать импульсивные оценки. Сдержанно попрощавшись, он поднялся со стула и покинул кабинет.

ГЛАВА 2. Свет знания во тьме времени

— «Заседание ежегодного международного симпозиума по искусственному интеллекту объявляю открытым!» — торжественно произнесла Вирта.

Она стояла за массивной трибуной, расположенной на высоком помосте, и была похожа на древнегреческую богиню, снизошедшую на небесной колеснице к простым смертным. Холодноватый, слегка надменный взгляд довершал впечатление недоступной величественности.

Даже одета она была соответствующе. Роскошный наряд украшали меандры и вышивки с мотивами древнегреческой вазописи. В этом угадывался намёк на философские истоки темы мероприятия. Ведь идеи о высшем разуме, управляющем всем сущим, восходят ещё к античной мысли — от Анаксагора до стоиков.

В третьем ряду сидели двое представителей сербской делегации. Того, что помоложе, звали Максимилиан — тот самый программист, который год назад принимал активное участие в создании виртуального коридора в Сириус.

Тогда он занимался разработкой компьютерных игр для молодёжи и регулярно выступал на профильных форумах перед геймерами. Поддерживал имидж «своего парня», он

вёл себя как двадцатилетний юнец, хотя на самом деле ему уже перевалило за тридцать.

Теперь же его внешность разительно изменилась. Дреды уступили место аккуратной короткой стрижке, а футболки с мультяшными принтами и потёртые джинсы — строгому костюму и безупречно подобранному галстуку. В этом облике он казался даже старше своего возраста. Перемена была продиктована профессиональной трансформацией: он перешёл к разработке игр на базе передовых систем искусственного интеллекта, ориентированных на взрослую аудиторию.

Второй серб выглядел заметно старше коллеги. Его голову украшала седина, элегантно серебрившаяся в свете ламп. Встретившись взглядом с этим человеком, Вирта на мгновение прервала речь и уважительно кивнула.

В своём выступлении хозяйка мероприятия рисовала радужные перспективы будущего. Говорила о том, как развитие искусственного интеллекта станет катализатором прогресса всех наук — от медицины до космических исследований. В новом постцифровом обществе человека заменят вездесущие машины, способные выполнять как рутинные операции, так и сложные интеллектуальные задачи. Они словно рабы будут прислуживать людям, освобождая их от рутинной работы.

Прогресс приведёт к удешевлению товаров, ведь из их себестоимости исчезнет самый дорогостоящий компонент — человеческий труд. После налаживания цикла полной вто-

ричной переработки обесценится и сырьё. Со временем блага окажутся бесплатными. Деньги утратят смысл и канут в лету — так же, как когда-то вымерли динозавры.

В этом новом обществе люди будут заниматься исключительно тем, что приносит им удовлетворение: творчеством, самосозерцанием и саморазвитием.

Словами «Это ли не мечта каждого?» Вирта завершила пламенную речь, оставив вопрос открытым. Зал отреагировал бурными овациями.

После торжественного выступления по протоколу шли вопросы журналистов. Масса рук потянулась вверх. Вирта представила слово наиболее наивному и добродушному на вид. Однако внешность оказалось обманчивой.

— Виктория Николаевна, — начал он мягким, почти вкрадчивым голосом, — ваш институт разработал квантовый процессор. Без преувеличения, это технологический прорыв. Однако вместо того, чтобы запатентовать архитектуру, вы опубликовали её в открытом доступе. Более того, вы систематически раскрываете исходные коды новейших алгоритмов искусственного интеллекта. Вы могли бы монетизировать эти разработки и заработать состояние, но фактически подарили их. Зачем? В чём заключается ваша бизнес-стратегия?

В зале повисла напряжённая пауза.

— Как вы, вероятно, заметили, я женщина не бедная — на жизнь мне хватает, — с лёгкой усмешкой отшутилась Вирта.

— Если же говорить серьёзно, сама логика извлечения прибыли из хайтек технологий стремительно устаревает. В том будущем, о котором я только что говорила, деньги утратят ценность.

Её взгляд — живой, почти азартный — медленно скользнул по залу, задерживаясь на восхищенных лицах представителей прессы.

— Зачем же возводить дворцы из песка, если начинается прилив?

Журналистский пул мгновенно оживился. Репортёры почти синхронно склонились над планшетами, фиксируя эффектную формулировку, которая уже через несколько минут разлетелась по заголовкам новостных лент.

— В грядущую эпоху главным ресурсом станет не капитал, а контроль, — спокойно продолжила Вирта. — Моя стратегия предельно проста: приблизить это будущее как можно скорее — желательно ещё при нашей с вами жизни. Я открыто делюсь разработками института, потому что прогресс ускоряется лишь тогда, когда его движет не одна команда, а весь мир. И потом... это была заветная мечта Ника. К сожалению, ему не суждено увидеть новое общество, к которому он стремился.

Вирта опустила голову и выдержала многозначительную паузу.

— Хотя, кто знает... — задумчиво добавила она и перевела взгляд на журналиста.

Тот удовлетворённо кивнул и принялся жадно конспектировать её ответ.

Вирта вновь окинула взглядом журналистский пул и выбрала ещё одного простачка. Однако и он оказался зубастой акулой пера, работающей на одно влиятельное зарубежное научное издание.

— Виктория, должен признаться... у меня есть извращённая привычка, которая роднит меня с Квентином Тарантино, — начал он на ломанном русском. — Я, как и он, люблю посещать могилы своих кумиров. Только Квентин навещает захоронения выдающихся режиссёров, а я — учёных. Вчера я побывал на кладбище Ника. Как вы думаете, что я там увидел?

— Может быть сами расскажете? — предложила Вирта, тщательно скрывая нарастающее беспокойство.

— Я долго ходил в поисках величественного монумента с золотым тиснением, который соответствовал бы масштабу его вклада в мировую науку. Но нашёл лишь заброшенный участок с сорной травой. А на нём скромная деревянная табличку с именем. Не находите ли вы, что ваши слова о нём столь сильно рознятся с состоянием могилы?

Вирта заметно покраснела, а её пальцы сжали стенки трибуны так, что на лакированной поверхности возникли царапины от ногтей.

— Если дело в финансах, которые для вас не имеют никакого значения, — не унимался журналист, — я могу об-

ратиться в специализированные фонды, и они выделяют средства. Или дело в чём-то другом?

Вирта медленно выдохнула, возвращая самообладание.

— Спасибо за заботу, но я справлюсь сама. Как вам должно быть известно, земле на могиле надо осесть. Этот процесс недавно завершился и я уже заказала памятник лучшей мастерской в городе. Так что если вы посетите это место через год, то застанете надгробье, полностью соответствующее масштабу личности Ника.

Журналисты почувствовали короткий сбой в самообладании Вирты. Море рук вновь взметнулось вверх — на этот раз с заметной агрессивностью.

— Поскольку вопросов больше нет, предлагаю продолжить работу, — произнесла Вирта стальным тоном, не допускающим возражений.

Руки медленно опустились.

— Сейчас я хотела бы предоставить слово моему коллеге и давнему другу из Сербии. Позавчера он сообщил, что чувствует себя неважно и, вероятно, не сможет приехать. Однако, как мы видим, всё же нашёл силы и почтил нас своим присутствием. Горан, прошу на сцену!

Седовласый мужчина растерянно поднялся, что-то невнятно пробормотал, покашлял и тут же опустился обратно в кресло, зарывшись поглубже.

— Пригласите переводчика с сербского, — деловито распорядилась Вирта.

— В этом нет необходимости, — отозвался Максимилиан на уверенном русском. — Я сочту за честь перевести речь моего друга. Он сказал, что в результате недавней операции на горле не может говорить. И добавил, что после вашего блистательного выступления ему остаётся лишь пожелать всем здоровья и продуктивной работы.

ГЛАВА 3. Если друг помогает вдруг

Григориус вошёл в небольшое пятиэтажное здание, одиноко стоявшее на окраине городка. По дороге сюда цивилизация, вероятно, сбилась с маршрута или застряла в разбитых дорогах и вязкой уличной жиже.

Дом производил впечатление типичного порождения эпохи застоя: прямоугольная коробка с монотонным фасадом, каких в провинции когда-то натыкали десятками тысяч. Почти не подвергаясь обновлению, подобные строения словно застряли во времени — здесь оно не текло, а вязло, как та самая осенняя земля под ногами.

Следы недавнего косметического ремонта, конечно, придавали зданию некоторое преимущество перед такими же собратьями по архитектурному несчастью. Однако на фоне величественных построек наукограда оно выглядело нелепо — как ошипанная курица в вольере с напыщенными павлинами.

Это была единственная гостиница в городке. Именно она и приютила всех иногородних участников международного симпозиума.

Григориус поднялся на второй этаж и вошёл в уютный ресторанчик, где его уже ожидал Максимилиан. Тот с юношеским задором вскочил со стула и крепко обнял старого знакомого. Почти весь вечер мужчины предавались воспомина-

ниями о событиях годичной давности — тех самых, что когда-то свели и сблизили их. Они смаковали прошлые подвиги в мельчайших подробностях, словно ценители редкого вина, наслаждающиеся каждым глотком и оттенком послевкуся.

И когда, казалось, воспоминания иссякли, Григориус выдержал короткую паузу и перешёл к сути.

— Макс, что ты думаешь о сегодняшнем выступлении Вирты?

— Она слукавила... причём довольно изящно.

— Поясни.

— Разрозненные группы программистов не могли за год добиться такого внушительного результата. Это всё равно что ожидать от случайной бригады строителей возведение небоскрёба без проекта и без генерального подрядчика.

— То есть ими кто-то управлял? — усмехнулся Григориус.

В глазах Максимилиана вспыхнул знакомый азарт.

— Я думаю, да. Существует некий координационный центр — невидимый, но чрезвычайно мощный. Он разрабатывает базовые алгоритмические ядра и распространяет их среди исследовательских групп по всему миру.

— Подозреваешь институт Вирты?

— Не знаю. Раньше она действительно выкладывала исходные коды в открытый доступ. Но как только аналитики начали задаваться вопросом, почему прибыль оседает у сто-

ронных структур, публикации прекратились. Зато почти сразу в закрытых программистских чатах появились странные люди, предлагающие за символическую плату те же самые коды.

Максимилиан тяжело вздохнул — так, словно только что поставил подпись под явкой с повинной.

— Если уж быть до конца откровенным, моя интеллектуальная игра для взрослых — та самая, что взорвала рынок пугающей реалистичностью, — тоже построена на их движке.

Он на мгновение отвёл взгляд.

— Я попытался выяснить у продавца кодов, кто он такой. Имени этот человек, разумеется, не назвал, но обмолвился, что работает в одной из технологических компаний в Кремниевой долине. Платят, мол, там немного — вот он и подрабатывает в даркнете.

Максимилиан наклонился через стол и понизил голос:

— Ты же знаешь, в прошлом я был хакером. В общем, решил узнать его IP-адрес. А он оказался скрыть под многоступенчатой цепочкой прокси — до реального источника не добраться никак. Но конечный узел маршрута находился где-то в России.

— И что всё это означает?

— На вашем юридическом языке называется легализацией имущества.

— Что-то вроде схем Аль Капоне с сетью прачечных? —

усмехнулся следователь.

— Именно. Только вместо денег — исходный код. Сложные алгоритмические ядра, которые не под силу создать человеку, генерируются в некоем дата-центре сверхмощным искусственным интеллектом. Затем через теневые каналы их передают разработчикам людям. Те дорабатывают модули, обучают системы и оформляют всё как собственный продукт. Крупные корпорации покупают их стартапы, масштабируют решения — и тем самым окончательно легализовывают базовые алгоритмы. Общество уверено, что перед ним плод человеческого гения.

Максимилиан безрадостно усмехнулся.

— Примерно так же люди верят фокуснику, не видя его рук за ширмой.

— Выходит, Сириус вполне мог возродиться? — почти шёпотом произнёс Григориус. — И этот тайный центр... может находиться именно в нём?

— Я могу утверждать, что Сириус существует, — так же тихо ответил Максимилиан. — И не берусь доказывать наличие координационного центра. Я лишь излагаю факты. Выводы делай сам.

— Макс, хотя бы обозначь направление поиска.

Серб машинально огляделся по сторонам. Убедившись, что соседние столики пусты, он наклонился ещё ближе.

— На твоём месте я начал бы с компьютера Ника. Там могла сохраниться скрытая программа. Обнаружить её при

нынешнем уровне цифровой экспертизы почти невозможно. Поэтому ваши специалисты тогда увидели «чистый» диск. Но стоит этой программе получить доступ к сети...

Он выдержал паузу.

— ...и она способна самоинициализироваться, а затем запустить новый цикл строительства Сириуса.

Следующий день Григориус провёл в до боли знакомом месте, будоражившем воображение буйством красок и хаотическим многообразием форм. Даже букет резких запахов и жужжание назойливых насекомых не могли омрачить его впечатления. Это была загородная свалка.

В отличие от большинства коллег, Григориус по-своему любил это место. Многолетние слои мусора скрывали здесь не только отслужившие своё вещи, но и сокровенные тайны человеческих судеб. Ему доставляло удовольствие извлекать эти тайны на свет. Немало преступлений городка он раскрыл именно здесь.

Преступники, выбрасывая различные предметы в мусорный контейнер, зачастую действовали импульсивно, не задумываясь об уничтожении или маскировке содержащихся на них следов. В их сознании выбросить вещь уже означало бесследно уничтожить её со всеми уликами и зацепками. Известную поговорку «концы в воду» применительно к их практике можно было переформулировать иначе: «концы — на загородную свалку». И даже не занимаясь расследованием, Григориус любил ходить между нагромождениями ве-

щей, и тренировать свой ум, размышляя об их прежних владельцах и их судьбах.

Однако в этот раз его интересовали вполне конкретные предметы — детали рабочего компьютера Ника.

Ночью, после встречи с Максимилианом, Григориус навестил своего давнего друга Валериана — оперативного сотрудника полиции. Он также входил в состав следственной группы по расследованию гибели учёных. Валерин очень тепло относился к Григориусу и уважал его за аналитические способности. Во времена их совместной службы он часто потакал коллеге в самых безумных инициативах, за что порой получал нагоняи от начальства. Впрочем, словесные разносы на его карьере почти не отражались, поскольку tandem демонстрировал высокую раскрываемость.

Уложив спать детей и отправив в другую комнату жену, оперативник налил по стопке. Закадычные друзья удобно расположились на диване. Потягивая водочку, они ворошили прошлое, вспоминая трупы, орудия убийств, найденные улики, хитроумные версии и преступников.

Ближе к полуночи, когда сознание Валериана уже было основательно «отформатировано» горячительным напитком, Григориус перешёл к делу.

— Дружище, окажешь мне услугу? — начал он издалека.

— Для теб-бя что угод-дно, — икая, отозвался на просьбу товарищ.

— Мне нужны протоколы осмотра рабочего компьютера и

ноутбука Ника. И ещё запрос в местные гипермаркеты электроники: покупала ли Виктория Прудникова ноутбук жёлтого цвета примерно полгода назад. А ещё...

— Стоп! — Валериан заметно протрезвел. — Ты опять за своё? Проси что угодно, только не это. Шеф категорически запретил возвращаться к делу Ника.

— Они ничего не узнают. Просто сделай копии протоколов. А запрос по ноутбуку оформи в рамках другого уголовного дела.

— Прости, но нет!

— Это последняя просьба. Мне нужно лишь убедиться, что рабочий компьютер Ника действительно уничтожен, а в камере вещдоков хранится именно тот ноутбук, который мы изъяли. И всё. Никаких новых расследований.

— Обещаешь, что на этом остановишься?

— Торжественно клянусь, — Григориус по-пионерски вскинул руку.

Валериан исполнил просьбу: тем же утром переслал Григориусу на телефон фотографии протоколов осмотра компьютеров Ника.

Поскольку год назад Григориус лично присутствовал при уничтожении рабочей машины учёного, он без труда нашёл место, где должны были покоеиться её останки, и приступил к эксгумации.

Вскоре в грязи показали части деталей: чипы памяти, процессор и дисковой накопитель — именно он больше все-

го интересовал неугомонного следователя. Всё было добросовестно раскурочено на куски. На одном из обломков жёсткого диска стоял серийный номер. Он полностью совпал с указанным в протоколе. Сомнений не оставалось: компьютер с рабочего кабинета Ника не мог быть использован для возрождения Сириуса.

Под подозрением всё ещё оставался ноутбук Вирты. Однако вскоре раздался звонок. Валериан сообщил, что один из гипермаркетов электроники прислал ответ: примерно полгода назад по акции действительно был продан ярко-жёлтый ноутбук «Феррари». Модель совпадала с той, что Вирта подарила Нику на его последний день рождения.

Валериан навел справки и выяснил, что кредитная карта, по которой приобретался ноутбук, принадлежит Виктории Прудниковой.

В доказательство он переслал Григориусу на телефон фотографии всех ответов, завершив сообщение строгим предупреждением: «Надеюсь, дружище, на этом дело окончательно закрыто!»

Ноутбук, который стоял у Вирты на рабочем столе, тоже был исключён из подозрения. Однако непроверенным оставался тот, что хранился в архиве вещественных доказательств. Дотошный следователь привык проверять все возможные версии, поэтому хотел лично убедиться, что прибор находится именно там. Тем более, что помимо серийного номера, он обладал ещё одной особой приметой. Как

значилось в протоколе осмотра, «на нижней части корпуса методом гравировки с последующим золочением нанесена надпись: «Любимому Нику от Вирты на долгую память». К документу прилагалась и детальная фотография этой гравировки.

На этот раз Григориус решил обойтись без Валериана. Камерой хранения вещественных доказательств заведовал его давний приятель — Николай Петрович. Ещё юным опером тот слыл грозой криминального мира. Это были лихие девяностые, когда разгул преступности накрыл страну как цунами. Не раз на жизнь честного оперативника покушались. Но молодость, отличная реакция и звериное чутьё помогли выжить.

Однако годы службы в постоянном стрессе и честно заработанная подагра сделали своё дело. К пятидесяти Петрович утратил прежнюю хватку и всё чаще прикладывался к бутылке. Но хуже всего — начали невыносимо ныть колени. А опера, как волка в известной пословице, кормят ноги.

Петрович подумывал об увольнении. Но руководство пожалело его. Они понимали, что без службы старый сыщик окончательно сопьётся. В итоге его перевели на тихую, «бумажную» работу — заведовать камерой хранения вещественных доказательств.

Увы, даже стены родного отдела не уберегли бывшую грозу преступного мира от алкоголя. Петрович продолжал пить и приобрёл ещё одну дурную привычку — занимать у кол-

лег до получки. Возвращать долги удавалось редко: деньги быстро растворялись в очередной бутылке. Это, разумеется, не способствовало укреплению товарищеских отношений. Вскоре в долг бедолаге соглашался давать только Григориус. Он прекрасно понимал, что денег больше не увидит, но одному холостяку тратить их всё равно было не на кого.

Григориус прошёл пост охраны ОВД и спустился в камеру хранения вещдоков. За стойкой никого не было.

— Петрович! — окрикнул он старого пьянчужку.

Из глубины стеллажей показался молодой человек.

— Вам кого? — спросил он удивлённо, так как не знал Григориуса.

— Простите, а где Петрович?

— Если вы про Николая Петровича, то он здесь вот уж недели две как не работает.

— Неужто всё-таки решил уйти на покой?

— Скорее, на упокой.

— Что? Как это произошло?

— Я точно не знаю. Вроде несчастный случай. А вы из какого отдела? Я вас раньше не видел. Что хотели?

— Нет, нет, я не по работе, просто зашёл повидаться со старым. Я, пожалуй, пойду.

Горечь отчаяния сжала сердце. Григориус выскочил из комнаты и, не разбирая дороги, рванул к лестнице, а затем на второй этаж, где разолгался кабинет Валериана. Встречные едва успевали уворачиваться, пугаясь не столько оленье-

го бега, сколько широко раскрытых бешеных глаз. Однако вскоре кто-то остановил обезумевшего бегуна. Хватка была такой, будто в плечо вцепились клещи экскаватора. Григориус со стоном дёрнулся, поднял взгляд и увидел перекошенное лицо Валериана.

— Ты что творишь?! — встряхнул его оперативник.

— Смерти продолжаются! — с нездоровым азартом, свойственным маньякам, крикнул Григориус.

— Тсс, молчи, — прошипел Валериан и, озираясь по сторонам, потащил обезумевшего к себе в кабинет.

Заперев дверь, он усадил коллегу на стул, налил в стакан воды — и без колебаний выплеснул ему в лицо.

— Зачем ты сюда пришёл?

— Ноутбук Ника проверить, — отплёвываясь, прохрипел Григориус. — Но вместо Петровича там сидел какой-то парень.

— Я знаю. Петрович скончался. Несчастный случай. Поехал на рыбалку, принял на грудь и утонул. Такое бывает с алкоголиками, сам же знаешь.

— Не думаешь, что его смерть связана с Сириусом?

— Ты в своём уме? Знаешь, сколько промилле было в его крови? Там лося с ног свалить можно. Помнишь, как он зимой напился в хлам и до полуночи пролежал в сугробе? Хорошо, патрульные заметили — отогрели, домой отвезли. Чудо, что тогда всё обошлось одним обморожением носа.

— То есть версию убийства ты проверял?

— Естественно. Если бы был хоть малейший намёк на насильственную смерть, ты думаешь, я бы это спустил? Петрович мне как отец был. Он меня, зелёного опера, ремеслу учил. Сколько лет потом из одной тарелки щи хлебали... Мне самому его жаль. Но давай без эмоций.

— Позволь осмотреть его квартиру. Без постановлений, негласно. Он ведь жил один? Ключи наверняка изымались и сейчас лежат в материалах проверки.

— Григориус, прошу, не подставляй меня. И себя тоже. Ты же клялся, что протоколы осмотра компьютеров — последнее, о чём попросишь.

— Сделай это не для меня, а ради памяти друга. Вспомни, сколько раз ты не находил ничего странного, а я потом обнаруживал кучу улик и раскрывал дело.

Валериан задумался.

— Меня там все соседи знают.

— Я зайду один. Ты будешь на улице. Если меня возьмут, ты ни при чём.

Валериан обречённо покачал головой, полез в сейф и вынул связку ключей.

Григориус выхватил у него из рук золочёные железяки, внимательно осмотрел и даже обнюхал.

— Новенькие. Смазка ещё не выветрилась. Импортные, с многоуровневой защитой от копирования. Дорогие, видимо. Такие замки на старые двери не ставят. Видать, Петрович и её заменил.

— Угадал. Раньше стояла деревянная — трухлявая, пальцем проткнуть можно. А незадолго до смерти поставил новую, стальную.

— Откуда у него деньги?

— Понятия не имею. Может, кредит взял, наследство получил — кто теперь скажет? Не поверишь, он даже все долги раздал. На тот свет ушёл с чистой совестью. Кстати, твой номер спрашивал. Наверное, хотел и тебе вернуть. Но ты же служебный телефон сдал, а новый никому не сообщил.

— Да, новое начальство запретило.

Григориус прищурился.

— Тебе не показалось странным, что он вдруг сменил дверь с замками? Может, почувствовал опасность?

— Вряд ли. Никаких странностей в его поведении я не замечал. Наоборот, стал весёлым, много шутил.

Григориус замешкался.

— Валериан, у меня к тебе ещё одна просьба...

— Что, снова?

— На этот раз — действительно последняя.

— Ладно, валяй. Не отстанешь же.

— Там, в камере вещдоков, малец сидит. Мог бы ты...

— Ладно! — перебил Валериан, в сердцах вынул из стола папку, отыскал в ней бумажку, откопировал и деловито кинул: «Пойдём!»

Приняв документ, молодой хранитель улик скрылся между стеллажами и вскоре вернулся с пыльной коробкой, опе-

чатанной пломбами и печатями. Григориус удалил их и вскрыл упаковку. Внутри блеснула ярко-жёлтая крышка ноутбука. Медленно — словно стирая монетой защитный слой лотерейного билета — следовательно извлёк его. На нижней крышке корпуса стоял серийный номер, который полностью совпал с указанным в протоколе осмотра. Присутствовала и золочёная дарственная надпись. Она тоже оказалась полностью идентична снимку, приложенному к протоколу.

Сомнений не оставалось: ноутбук в камере хранения также не мог быть использован для восстановления Сириуса.

ГЛАВА 4. Танго под прицелом закона

Осенние сумерки окутали наукоград зловещей пеленой тумана. Прорывающий завесу дымки колкий дождь в янтарном свете уличных фонарей выглядел как бесконечный рой падающих на землю блестящих игл. Где-то в глубине дремучих лесов, обступивших городок со всех сторон, раздавался протяжный вой шакала, а в кронах вековых деревьев эхом отзывалось суетливое уханье совы.

Две человеческие фигуры, словно призраки из иного мира, приблизились к ветхому четырехэтажному дому, облезлые стены которого были испещрены извилистыми швами бетонных блоков и глубокими трещинами.

— Жди меня здесь. Если заметишь какое-то движение на третьем этаже, немедленно подай сигнал, — прошептал Григориус.

Валериан молча кивнул и машинально опустил ещё ниже чёрную шапку, которая и так почти полностью закрывала глаза.

Обитатели таких мрачных и депрессивных домов — этих каменных склепов уходящей эпохи — как правило, отличаются повышенной нервозностью и настороженностью по отношению к посторонним, особенно если те пытаются скрыть

внешность или ведут себя необычно. Поэтому Григориус решил действовать максимально естественно. Перед тем, как войти в подъезд, он снял шапку, тщательно пригладил волосы и, расправив плечи, уверенно зашагал к квартире Петровича, всем своим видом демонстрируя, будто прожил в этом доме всю жизнь.

Обстановка в квартире некогда грозного оперативника оказалась ещё более удручающей и гнетущей, чем мог себе представить Григориус в самых мрачных предположениях. Спёртый и липкий, как болотная жижа, воздух был пропитан миазмами дешёвого алкоголя, засохших комнатных растений, прогнивших стен и искалеченной судьбы. Каждый вдох превращался в настоящее испытание для лёгких. Беспорядочно разбросанные повсюду предметы одежды, покрытые толстым слоем пыли, лежали безжизненно, как сброшенная змеиная кожа. Квартира была не просто жилищем, а зловещим зеркалом измученной души её владельца. Каждый предмет, каждая краска, каждый запах красноречиво рассказывали печальную историю падения человека на дно жизненной пропасти.

Единственное, что резко контрастировало со скромной обстановкой квартиры, это новенькая плазменная панель с огромным экраном. Григориус отчётливо помнил, как Петрович обожал проводить время перед телевизором. В его рабочем кабинете стоял древний аппарат, который постоянно капризничал и отказывался работать. Приходилось регуляр-

но стучать по корпусу, чтобы привести его в чувство. Петрович неоднократно писал рапорты, умоляя установить новый телевизор, но у руководства явно были более серьёзные статьи бюджетных расходов, чем организация досуга пожилого любителя алкоголя.

И вот, по всей видимости в отместку, этот человек купил себе самый большой, дорогой и впечатляющий телевизор, какой только мог найти в магазине бытовой техники.

Мотив поступка понятен, оставался лишь один вопрос: откуда у хронического алкоголика внезапно появились деньги на бронированную дверь с мудрёными замками, крутой телевизор и погашение долгов, накопившихся за годы беспробудного пьянства.

Стоявший в комнате смрад затруднял мышление. Григориус решил открыть окно и впустить свежий воздух. Отодвинув пыльную занавеску, он увидел на подоконнике горшки с увядшими комнатными растениями. Сухая, безжизненная земля, казалось, причиняла невыносимую боль их измученным корням.

Григориус потянулся к пустой пластиковой бутылке, чтобы полить несчастные создания, но тут смартфон завибрировал и издал протяжный звук. Валериан прислал сообщение, что кто-то поднялся на третий этаж. Отодвинув край занавески, Григориус осторожно выглянул в окно. Полицейских машин на улице не было. «Скорее всего, в соседнюю квартиру», — выдохнул он.

В этот момент внезапно раздался характерный звук отпирающегося замка. Григориус бросился в центр комнаты и лихорадочно огляделся. Увидев в углу небольшой шкаф, он забрался внутрь.

Не зажигая света, незнакомец прошёл в комнату. Затаив дыхание, Григориус слегка приоткрыл дверцу. Незванный визитёр был одет в тёмную кофту с большим капюшоном, закрывающим лицо. Немного помедлив, словно прислушиваясь, он решительно подошёл к старому комоду как раз напротив шкафа. В какой-то момент лицо нежеланного гостя озарилось тусклым светом, падавшим из окна. Григориус поймал себя на мысли, что где-то видел эти неприятные черты и глубоко посаженные глаза.

Незнакомец презрительно и брезгливо сбросил на пол несколько вещей, сунул руку вглубь комода и вынул небольшой свёрток, аккуратно упакованный в пожелтевшую газету.

Положив добычу в карман куртки, он поспешно ретировался. Вскоре послышался характерный звук дверного замка.

Григориус набрал Валериана и попросил проследить за подозрительным визитёром, а сам поспешил выбраться из этого богом забытого жилища.

Оказавшись на свежем воздухе, он вновь связался с оперативником.

— Где ты?

— Возле дороги. Спрятался за дерево. Объект ловит ма-

шину. Сейчас точно уедет. Что делать?

— Не дай ему уйти! — решительно скомандовал следователь и, не теряя ни секунды, побежал в сторону шоссе.

Адреналин боксёрской перчаткой ударил в мозг Валериана. В одно мгновение он перенёсся в дни бурной молодости, когда профессионально занимался борьбой и блистал на соревнованиях. Коронным приёмом юного спортсмена был бросок с прогибом, который и принёс ему в итоге титул чемпиона города. «Интересно, получится ли сейчас?» — пронеслось в голове. Не раздумывая, борец ринулся к злоумышленнику, схватил за плотную нубуковую куртку, поднял над головой и, элегантно изогнувшись, выполнил свой фирменный бросок. Поверженный противник беспомощно распластался по земле в такой неестественной позе, будто был создан не из плоти и крови, а из пластилина.

— Ты что натворил! Я же просил задержать, а не убивать! — возмутился подоспевший Григориус.

Победитель смертельной схватки спокойно приоткрыл бедняге глаз, проверил реакцию зрачка и осторожно постукал по бледным щекам. Тот издал протяжный болезненный стон, медленно приходя в себя.

— Не бойсь, скоро оклемается, не впервой. Сколько я таких перебросал за свою жизнь, ещё никто не помер, — со знанием дела заключил громила.

Григориус подошел и ощупал правый карман куртки незнакомца, куда тот сунул загадочный свёрток из комода

Петровича.

— Ты ищешь что-то конкретное? — поинтересовался Валериан.

— Да, свёрток. Вероятно, переложил куда-то, — задумчиво ответил Григориус и потянулся ко второму карману.

— Он что-то выбросил по дороге. Посмотри внимательно вон там.

Рука Валериана указала на одиноко стоящую метрах в пятидесяти стальную мусорную урну, тускло поблёскивавшую в свете фонаря.

Григориус направился к мусорке и достал вожаделенную добычу. В свёртке была увесистая пачка денежных купюр.

Размахивая неожиданной находкой, словно кроманьонец, обеспечивший племя пищей на целый месяц, Григориус поспешил к Валериану.

— Поздравляю, дружище! Как минимум, ты только что раскрыл квартирную кражу. Думаю, что статья даже на особо крупный размер потянет! — заявил следователь, бегло пролистывая купюры увесистой пачки.

Валериан доставил домошника в районный отдел полиции и завёл в свой кабинет. Вскоре к нему присоединился Григориус — он намеренно вошёл в здание полиции чуть позже, чтобы их не видели вместе.

Оперативник уже обыскал задержанного. В карманах, помимо ключей от квартиры Петровича, оказались смартфон и пластиковая карта с магнитной лентой.

— А теперь, дружок, рассказывай, как тебя зовут и что ты делал в квартире, — грозно скомандовал страж закона.

— Я буду говорить только в присутствии адвоката, — едва слышным дрожащим голосом заявил задержанный.

— У меня есть парочка адвокатов. Они как раз рвутся в бой. Сейчас я тебя с ними познакомлю, — пошутил оперативник и весомо положил на стол свои ручки гладиатора, способные разговорить даже самого отважного храбреца. Парень полицейского юмора не оценил, инстинктивно съёжился и вжался спиной в стул.

Григориус тем временем, пристально вглядываясь в его лицо, тщетно пытался вспомнить, где он мог видеть этого человека. Но после эффектного броска Валериана физиономия домушника мало чем отличалась от мордоворота Петровича после недельного запоя.

Григориус взял со стола пластиковую карточку. Это был пропуск в административное здание НИИ искусственного интеллекта с выгравированной надписью: «Иван Собакин».

Так вот в чём дело! Следовательский нюх не подвёл. Это же старший сын Даниила Собакина — бывшего начальника управления научных исследований наукограда, который активно мешал расследованию самоубийства Ника и его коллег, а затем и сам отошёл в мир иной, чтобы занять высокую должность в Сириусе. Сынишка внешне был очень похож на покойного отца.

Валериан тем временем продолжил своё устрашающее

шоу и демонстративно, со злорадной медлительностью принялся закатывать рукава рубашки, обнажая неохватные запястья.

В ожидании неизбежной кульминации Собакин-младший зажмурился и на всякий случай прикрыл и без того изрядно пострадавшее лицо.

— Дружище, зачем так пугать парня? Хочет он адвоката, пусть приглашает, — неожиданно прервал пантомиму Григориус, вызвав неподдельное изумление не только у талантливого актёра, но и у зрителя.

Этот неожиданный поступок ломал сложившуюся годами тактику Валериана, о которой отлично был осведомлен Григориус. Опытный оперативник, конечно же, не собирался пускать в ход кулаки. Роль жестокого и беспощадного изувера помогала дезориентировать подозреваемого и выудить из него информацию, которую тот никогда бы не сообщил после свидания с защитником.

Валериан с немым вопросом глянул на Григориуса. Коллега сидел с дерзким, уверенным видом. Что ж, в годы былой совместной службы этот невозмутимый взгляд и искрящиеся азартом глаза подсказывали, что странные и нелогичные поступки были частью хитрого и далеко идущего плана.

Собакин осторожно потянулся к телефону, но суровый вид впавшего в раздумье верзилы, нервно постукивающего огромными пальцами по столу, побудил отказаться от этой опасной затеи.

— Дружище, я же знаю, что ты не такой. В душе ты добрый и пушистый, позволь себе быть самим собой, — широко улыбнулся другу Григориус.

Эта шутка вконец обескуражила громилу. Его физиономия расплылась в милой улыбке, словно оправдывая комплимент, отвешенный коллегой. Грубые пальцы изящно подвинули к Ивану телефон.

Парень медленно потянулся к аппарату, бросая, правда, недоверчивые взгляды на амбала: не изменится ли его отношение к происходящему.

— Ты уж извини за жёсткое задержание, — добил его Валериан, подыгрывая другу. — Сам же понимаешь, времена беспокойные, и ты тут ночью расхаживаешь в тёмной одежде с капюшоном на всё лицо. А вдруг вдобавок ещё вооружён... — сконфуженно добавил он.

Однако молодой человек уже не слушал, а вовсю строчил эсэмэску, резво выстукивая тонкими пальцами по экрану. Процесс завершил торжественный сигнал отправки сообщения. Через мгновение пришёл ответ. Собакин прочитал его и с довольным лицом заявил, что адвокат скоро будет.

Валериан отвёл Григориуса в сторону и дал ему важные наставления.

— В общем так, я пойду откатаю пальчики, вдруг найдутся совпадения по аналогичным квартирным кражам, потом оформлю его в КПЗ, а ты сиди здесь, не высывайся. Как вёрнусь, надеюсь, расскажешь, что задумал.

— Конечно, дружище. До встречи.

Валериан вывел парня из кабинета, по пути выключив свет, чтобы никто случайно не увидел его закадычного друга в окно.

Григориус опустился в мягкое кресло и, скрестив руки на затылке, принялся созерцать блёклую луну, с нескрываемым любопытством заглядывающую в кабинет. Её холодное свечение наполняло его атмосферой сказки. Другой бы в эти моменты начал фантазировать о вечном. Но Григориус не был бы Григориусом, если бы даже в такие минуты не тренировал мозг рассуждениями о бранных мелочах жизни.

— Судя по одежде, Собакин не бедствует, как и все, кто работает в НИИ искусственного интеллекта, — начал он логическую цепочку размышлений. — Парень чётко знал, что ищет, так как сразу же направился к комоду. К тому же деньги были в засаленной пожелтевшей газете, в которую обернуть их мог только Петрович. Молодой человек с аристократическими манерами вряд ли стал бы даже прикасаться к такой бумаге, не то что упаковывать в неё деньги.

Григориус взял со стола изъятые у Собакина ключи. Надо же: не копии со слепков, а оригинальный комплект. Выходит, вполне возможно, что Петрович сам сказал парню, где лежит свёрток с деньгами и дал ключи от квартиры. Но что могло связывать престарелого алкоголика и не злоупотребляющего спиртным молодого человека?

Рассуждения прервали пробежавшие по потолку яркие

лучи света, исходявшие явно не от луны. Григориус подошёл к окну и увидел, как к зданию полиции подъехал роскошный удлинённый майбах. Со стороны водителя вышел мужчина в солидном чёрном костюме. Короткими лакейскими шагами он подбежал к противоположной задней двери, открыл её и подобострастно подал руку. В ответ протянулась изящная женская рука в сетчатой перчатке. Через мгновение показалась и её владелица. На ней была модная, довольно-таки небольшая шляпа, которая при взгляде сверху прикрывала не только лицо, но и всё остальное. Шляпа, маняще покачиваясь, проследовала ко входу в здание ОВД.

Через минуту в коридоре раздалось цоканье шпилек, а затем стук в дверь.

Поскольку Григориусу было велено лишний раз не светить, он притаился, создавая впечатление, что в кабинете никого нет. Однако гостя оказалась не робкого десятка. Выждав небольшую паузу, она открыла дверь и сделала шаг вперед, застыв в проёме. В ярком контровом свете, падающем из коридора, был виден лишь её изящный силуэт. Открывшаяся взору картина напоминала кадр первого появления загадочной роковой незнакомки из старого нуарного фильма.

Григориус принялся вспоминать адвокатесс, с которыми ему довелось сталкиваться во времена, когда он работал в городке. Но ни одна из них и близко не подходила к образу в дверном проёме. Мало того, что те женщины не ездили на майбахах, так ещё и не помышляли одеваться в облегаю-

щую одежду, а тем более носить шпильки и шляпы. Все они, скорее, походили на кикимор: умных, образованных, но совершенно безликих и одинаково невзрачных. Вероятно, они опасались, что их обаяние затмит интеллект, и мужчины — следователи, прокуроры и судьи — начнут воспринимать их как женщин, а не как источник логических аргументов.

Наурная незнакомка сделала несколько шагов вперёд. Бледное свечение луны сорвало вуаль таинственности с её лица. Это была Вирта.

— Вы? — удивился Григориус. — Не знал, что подрабатываете адвокатом.

Вирта подошла ещё ближе и мягким, обволакивающим голосом, совсем не похожим на тот, которым накануне отказала в приглашении на симпозиум, прошептала на ухо: «О, милый Григориус, вы ещё много чего обо мне не знаете».

Не выходя из образа нуарной леди, Вирта грациозно продефилировала к стулу и присела, положив ногу на ногу.

— Чему обязаны поздним визитом? — спросил Григориус.

— Вы задержали моего сотрудника — начальника управления по научной работе.

— Поверить не могу. Иван Собакин занял должность своего отца. Как вы могли допустить такое? Он же преступник! — возмутился Григориус.

— Простите, насколько я знаю, приговора в отношении Даниила Собакина не было. Вы же сами прекратили уголов-

ное дело. Это значит, что и никаких препятствий к назначению его сына на должность нет.

— Формально вы правы, но фактически...

— Оставим эту тему. Я пришла не назначение Собакина обсуждать, — перебила Вирта.

Её голос задрожал.

— В первую очередь, хочу извиниться за то, что отказала вам в приглашении на симпозиум и вообще вела себя отстранённо и холодно. Я действительно была искренне рада видеть вас, но эта работа...

Из глаз выступили слезы.

— В последнее время всё чаще замечаю, что она делает меня такой чёрствой и бессердечной. Могу вспылить на ровном месте, оскорбить, накричать, обидеть. Поверьте, это не настоящая я. Я только так защищаюсь. Надеюсь, понимаете, каково беззащитной женщине управлять огромным коллективом, в котором большинство — мужчины.

Вирта вынула из кармана стильный платочек и картинно утёрла слезу.

— Пожалуйста, не надо плакать. Вы же сильная женщина. Помню, как вы бесстрашно пожертвовали своим цифровым клоном в Сириусе, чтобы спасти нас. А про тот инцидент в наукограде я уже и забыл, — попытался успокоить ранимую особу Григориус.

Вирта разразилась ещё более обильными слезами.

— Вы такой добрый... Позвольте, я вас обниму. Сейчас...

Вместо той нашей встречи на работе...

Вирта схватила Григориуса и сильно прижала к себе.

Когда порыв дружеских объятий иссяк, она стёрла остатки слёз и, вновь погрузившись в образ наурной леди, кокетливо присела на стул.

— Теперь ближе к делу. Через три дня у нас намечается международный эксперимент, ход которого будет освещаться в ведущих научных СМИ. Иван должен закупить необходимое оборудование, и если он не сделает этого сегодня, мероприятие придётся отменить. Пресса поднимет невероятную шумиху, поскольку представители мировых СМИ уже приехали в наукоград.

— Я всё понимаю, но Иван задержан по подозрению в довольно тяжком преступлении — краже в особо крупном раз-
мере, да ещё с проникновением в жилище.

— Уверяю, вы ошибаетесь. Минут сорок назад Иван прислал мне сообщение. Он просил забрать из его сейфа и привезти вот этот документ.

Вирта достала из сумочки лист бумаги с рукописными каракулями и протянула следователю. Это была расписка в получении Петровичем беспроцентного займа Собакина.

— Теперь вы видите, что это не кража, а попытка забрать долг.

— Возможно.

— Значит, вы отпустите его?

— Не раньше, чем эксперт исследует эти бумаги и даст

нам заключение о том, что расписка действительно написана Петровичем и не в каком-то там изменённом состоянии сознания.

— А как много времени займёт ваша экспертиза?

— По-разному бывает. Дня три, может неделю.

— Григориус, пожалуйста, помогите, ради нашей старой дружбы, — взмолилась Вирта, и слёзы вновь закапали из глаз.

Отчаянная попытка спасти своего коллегу вновь усилила в сердце Григориуса поколебленное было уважение к этой женщине.

— Я постараюсь сделать так, чтобы экспертизу провели завтра утром, благо образцов почерка Петровича у нас достаточно.

— Большое вам спасибо. А можно мне повидаться с ним?

— Полагаю, никаких препятствий к этому нет.

— И ещё я хотела бы передать рабочий ноутбук, чтобы он сформировал закупки оборудования, пока вы будете проводить экспертизу расписки. Можете проверить, ничего запрещённого в нём нет.

— Вообще-то передавать предметы задержанным запрещено, но ситуация, как говорится, пахнет международным скандалом, поэтому я посмотрю, что можно сделать, — бесстрастно и почти холодно выговорил Григориус, осознав, что эта женщина в схватке с ним одержала убедительную победу. Ей загадочным образом удалось не только вернуть его рас-

положение, но и вполне успешно манипулировать им, чего до настоящего момента не удавалось никому.

Григориус и Вирта спустились в дежурную часть. Валериан стоял возле окошка и мило общался с полицейским.

— Дружище, обстоятельства поменялись. Вероятно, тебе не светит палка по квартирной краже, — с ходу заявил Григориус, подкравшись сзади.

Услышав до боли знакомый голос, оперативник пришёл в ярость. Мало того, что он мог лишиться плюсика в статистике раскрываемости преступлений, которая у него хромала на обе ноги, так ещё наглец посмел прилюдно показаться с ним в ОВД, за что полагался отдельный нагоняй от начальства.

Валериан грубо схватил друга и оттащил в сторону.

— Ты это что, намеренно делаешь? В твои планы входит подставить меня? У нас же был уговор. Я тебе помогаю, но негласно. Сейчас дежурный всё доложит наверх, и у меня будут неприятности.

— Кто доложит, Степаныч? — с иронией спросил Григориус, бросив взгляд на машущего ему рукой полицейского. — Ещё недавно он был старшим опером, а сейчас сидит в этой конуре. Ты же сам знаешь, кто его туда определил и за что. Так что он совсем не питает тёплых чувств к шефу и не будет нас сдавать.

Григориус подошёл к дежурному и протянул руку.

— Степаныч, у меня к тебе просьба.

— Валяй!

— Если что, ты меня здесь не видел.

Полицейский сомкнул два пальца и провел ими по губам, давая понять, что будет держать рот на замке.

Григориус, Валериан и Вирта направились к КПЗ, где сидел Иван.

— Ну что, Ванёк, адвокат на месте, самое время пооткровенничать с нами, — обратился к парню Валериан.

— Расскажи нам, откуда ты знаешь Николая Петровича?

Иван вопросительно посмотрел на Вирту. Та выразила благородное негодование:

— Ваня, что ты смотришь на меня, как маленький мальчик на маму? Расскажи им всю правду. Неужели ты не понимаешь, что молчанием только делаешь себе хуже?

— Николай Петрович дружил с моим отцом, — начал свой рассказ отпрыск Собакина. — Примерно полгода назад я случайно встретил его на улице. Выглядел он, скажем так, неважно: опухшее лицо с синяком под глазом, трясущиеся руки. Жаловался на жизнь, сказал, что вынужден был перейти в бумажный отдел и что эта работа очень тяготит его. Я спросил, а почему бы не уволиться и организовать своё дело — к примеру, открыть детективное агентство. Он сказал, что на это нужны средства. Я сказал, то готов помочь и предложил денег в долг, чтобы был какой-то стартовый капитал.

— Допустим, всё было именно так. Откуда у тебя ключи от квартиры?

— Так это я поставил ему новую дверь и замок. Когда он

взял деньги, начал переживать, что случайно сболтнёт кому-то по пьяни, и его ограбят.

— А ключи зачем взял?

— Он сам дал мне комплект. За день до смерти. Сказал, что поедет на несколько дней на рыбалку и попросил поливать цветы.

— И что? — перебил рассказчика Григориус.

— В каком смысле? — растерялся Собакин.

— Я про цветы. Ты их поливал? — уточнил Григориус.

— До сих пор поливаю, — уверенно заявил садовод-благодетель.

Григориус вспомнил увядшие растения и сухую землю, в которой они томились, но не стал говорить об этом, опасаясь, что задержанный догадается о его, куда более неправомерном, вторжении в квартиру.

— Зачем деньги-то сбросил, дурик? — вступил в диалог Валериан.

— Заметил, что вы идёте за мной, подумал, грабитель. Решил, лучше выбросить деньги в мусорку, а потом вернуться за ними.

— Что? — возмутился оперативник, и его лицо вновь налилось яростью. — Да меня заядлые урки не могли чухануть! Хочешь сказать, ты, фраерок, просёк слежку?

Вызванные этим каверзным вопросом воспоминания о смертельном броске громилы заставили Собакина-младшего съёжиться и оставить его без ответа.

Валериан тут же убрал устрашающую гримасу и вновь принялся играть роль мягкого и пушистого оперативника, которая была отведена ему Григориусом. Со словами: «Брось, парень, я же пошутил», — он сунул ручищи в клетку и дружелюбно постучал Собакина по плечам.

— Валериан, мы с Викторией хотели бы попросить тебя об одном одолжении, — неожиданно обратился Григориус к другу.

— От этих слов мне уже страшно, — отшутился оперативник, вспоминая, какие финты выкидывал в последние дни чудаковатый напарничек.

— Позволь Вирте передать задержанному рабочий ноутбук.

— Нет, это категорически запрещено! — возмутился сыщик.

— Пожалуйста, дружище, в порядке исключения, ради меня.

Оперативник пристально посмотрел на Григориуса и вновь увидел этот уверенный, излучающий нездоровый азарт взгляд, который буквально кричал ему: «Дружище, всё идет по моему плану, просто доверься!»

— Только ради тебя, — сдался правоохранитель и, бегло осмотрев ноутбук, скорее ради формальности, сунул его в клетку.

— Ладно, Вань, ты не отчаивайся, завтра тебя выпустят, как только исследуют расписку. А сейчас давай прощаемся,

и я пойду.

Вирта подошла к обезьяннику и потянулась к Ивану, чтобы приобнять его. Но шляпка со скошенным силуэтом не была рассчитана на тесные места предварительного заключения и слетела с головы в самую грязь. Валериан учтиво подобрал головной убор, небрежно отряхнул и протянул Вирте. Однако на дорогом предмете одежды осталось огромное пятно от небольшой лужицы на полу.

— О, нет, я её не надену, пожалуйста, выбросьте, — откристилась от любимого аксессуара Вирта.

Валериан огляделся в попытке найти поблизости мусорное ведро.

— Можно, я оставляю её себе? — неожиданно послышалось из камеры. — Я хотел немного поспать, а здесь очень светло, будет чем прикрыть лицо. К тому же, Виктория Николаевна, я знаю, как вы любите эту шляпку. Я сдам её в химчистку и верну вам.

— Не положено, — строго возразил Валериан, дёрнувшись в сторону обнаруженного наконец мусорного ведра.

— Будет тебе, дружище, — остановил его добрый следователь. — Пойди навстречу людям. Неужели ты ни разу не дежурил и не помнишь, каково это — спать при ярком свете! К тому же парень дело говорит. Шляпка, небось, на нашу годовую зарплату тянет. Выбросить её в мусор — преступление, — пристыдил друга Григориус.

Оперативник ощупал шляпку и нехотя сунул её в клетку.

— Погоди! Дай-ка и мне на эту красоту полюбоваться, — Григориус неожиданно выхватил головной убор из рук сыщика.

Бегло осмотрев шляпку, чужак пробежался по ней пальцами.

— Какой приятный материал, — заключил он и вручил аксессуар Собакину.

Старые друзья, все втроём, направились в кабинет Вальериана, чтобы под стопочку алкоголя снять напряжение и вспомнить былые подвиги и бесстрашные сражения с Сириусом.

Проведя полчаса в приятной компании правоохранительниц, Вирта, сославшись на завтрашние важные дела, попрощалась и удалилась. Сев в машину, она опустила руку на сидение и нащупала миниатюрный золотистый ноутбук с логотипом надкусанного яблока. Открыв крышку, поводила пальцем по тачпаду. На экране появилась запись недавнего симпозиума. Вирта включила встроенный в программу синхронный нейропереводчик и отметила галочкой сербский язык. Промотав немного вперед, до момента, когда она предоставила слово своему другу Горону, Вирта озабоченно склонилась над экраном. Серб начал говорить, однако синхронного перевода не последовало. В графе «статус» было указано, что программа не может идентифицировать язык, звучащий в кадре. Вирта внимательно пересмотрела выступление. Она не раз слышала сербскую речь на международных

мероприятиях, однако звуки, вылетавшие из уст седовласого интеллигента, ничего общего с этим языком не имели. Они больше походили на набор бессвязных мычаний.

Вирта сделала скриншот косноязычного, а затем скачала фотографию Горона из интернета и загрузила снимки в программу сверки лиц. Та выдала однозначный ответ: это разные люди. Вирта давно знала Горона. Хотя чисто внешне самозванец был похож на него, она сразу заметила то, что его выдавало: другая моторика движений, иные повадки, манера речи, даже ростом, казалось, он был пониже. Болезнь не могла настолько изменить человека.

Вирта вынула из сумочки смартфон и загрузила в программу фотографию Григориуса, которую сделала тайком в кабинете Валериана во время посиделки. Слушая рассказы следователя, она почувствовала его едва уловимое сходство с седовласым лжесербом.

Программа подтвердила с вероятностью девяносто девять процентов, что серб с симпозиума — это Григориус. Вирта, конечно же, не знала, что этот пройдоха, привыкший добиваться поставленной цели, накануне мероприятия посетил своего друга Максимилиана, чтобы обсудить вопрос, как ему попасть на симпозиум. Учёный разглядел сходство Григориуса со своим коллегой Горonom, который действительно не смог приехать из-за болезни. Дело оставалось за малым. Григориус обратился к знакомой гримёрше, которая работала на городской телестудии и за скромную плату гримировала

оперативных сотрудников полиции, когда требовалось изменить их внешность, чтобы, к примеру, внедрить в преступную группировку.

— Ах ты жучара! А я-то, дура, ещё ревела и извинялась! — крикнула Вирта, и, импульсивно стукнув рукой по стенке, разделяющей её с водителем, скомандовала: — Едем домой!

Однако машина не двинулась с места. Вирта повторила команду ещё более повелительным тоном, но реакции не последовало. Тогда она открыла окошко и заглянула в отсек водителя. Первое, что предстало её взору, — широченная спина, явно не принадлежавшая её шофёру. Мужчина повернулся. Его громадные руки попытались схватить Вирту. Женщина закричала, в ужасе потянула ручку двери и попыталась выбежать из машины. В этот момент худощавый мужчина в кепке, прикрывавшей лицо, плавным кошачьим движением запрыгнул на заднее сиденье через вторую дверь и схватил жертву за руку, не давая уйти. Не успев опомниться, Вирта ощутила на лице влажную ткань со сладковатым дурманящим запахом и почувствовала, что покидает пределы реальности.

ГЛАВА 5. Чужие слова моих уст

Стояло осеннее промёрзлое утро. Солнце просовывало блёклые пальчики в узкие трещины деревянной стены и, словно искусный мастер театра теней, создавало на лице Вирты замысловатые узоры. В это время года оно уже не дарило тепла, а лишь излучало прохладный дневной свет, делая краски осени однообразными и тусклыми.

Вирта открыла глаза и увидела, что находится в каком-то старом заброшенном строении, похожем на амбар. Она сидела на влажной земле, опираясь на стену из прогнивших деревянных брусьев, сквозь щели между которыми пробивались тонкие лучи света, полные танцующих пылинок. Потолок, некогда крепкий и надёжный, теперь зиял прорехами, обнажая клоки безжизненно-серого неба. В амбаре царила гробовая тишина — та самая, что кажется почти осязаемой. Лишь изредка её нарушал едва уловимый шорох опавших листьев, занесённых ветром сквозь провалы в стенах, и лёгкий скрип ноющей древесины. Казалось, само здание тихо вздыхало, вспоминая былые времена обжитой молодости.

Воздух был пропитан горьковатым ароматом сырости и прелой соломы. Вирта осмотрелась. Затуманенный дымкой взгляд остановился на лежавшем неподалёку смартфоне. Она схватила его и включила. Через мгновение раздался звонок. Звучал он настолько разнообразно и ярко, что казалось,

будто звуковые вибрации издавал не крохотный динамик, а целый миниатюрный симфонический оркестр, каким-то загадочным образом помещённый внутрь телефона.

Вирта посмотрела на экран. Аппарат разблокировался, опознав в ней хозяйку. Высветилась надпись: «Секретарша Илона».

— Алло, Виктория Николаевна, это вы? — прозвучал тонкий женский голосок.

Этот, казалось бы, банальный вопрос ввёл Вирту в ступор. Неожиданно она поймала себя на мысли, что совершенно не помнит своего имени. Мало того, не может понять, кто она.

«Неужели потеря памяти? — в ужасе подумала женщина. — Если так, то почему я вообще помню, что такое потеря памяти?»

Дрожащей рукой отведя телефон в сторону, она принялась лихорадочно изучать окружающее пространство, словно собирая по крупицам реальность:

— Замызганное окно с потрескавшейся рамой, сквозь которое просачивается свет... Проржавевшее ведро, похожее на раненого солдата... Старые грабли... Гниющее сено, источающее сладковатый запах тлена...

Вирта посмотрела на руку, сжимавшую телефон.

— Айфон в золотом корпусе, — с удивлением констатировала она.

Странный парадокс сознания — память о вещах оставалась нетронутой, но всё, что касалось её собственной сущно-

сти, было стёрто. Вирта даже не могла понять, какого она пола. До звонка она была убеждена в своей мужской природе, но хрупкие женские пальцы с идеальным маникюром опровергали эту уверенность с беспощадной очевидностью.

— Виктория Николаевна, вы на связи? — пробилося сквозь завесу внутренних терзаний.

— Да, я здесь, — ответила Вирта, вслушиваясь в мелодию собственного голоса, которая вынесла окончательный приговор: женщина.

— С вами всё в порядке? Где вы находитесь? — в настоячивых вопросах звенели тревожные нотки.

— В заброшенном сарае. Похоже, меня похитили и накачали какими-то препаратами. Я... я ничего не помню.

— Проверьте сумочку! — голос в телефоне оживился. — Был у меня похожий случай. Познакомилась с парнем — холёный такой, лощёный. Повёл в ресторан, угостил коктейлями, а дальше — провал. Очнулась на лавке в каком-то сквере. Чувствовала себя как Белоснежка после отравленного яблока. Ни денег, ни карты, ни телефона — клофелинщиком оказался, негодяй!

Повинуясь совету, Вирта нащупала возле себя сумку и вытряхнула содержимое. Среди косметики и женских мелочей взгляд выхватил кошелёк из крокодиловой кожи. Внутри оказалась пачка купюр, уложенных с педантичной аккуратностью, и несколько кредитных карт.

— Виктория Николаевна, — снова заговорил голос в теле-

фоне, перейдя на печальную интонацию, — ставлю вас в известность, что учёный совет принял решение отменить международное исследование. Все ждали вашего появления, но вас не было неделю.

— Неделю?!

— Да. А вы не знали, что прошла неделя?

— Простите, я перезвоню, — в ужасе пробормотала Вирта и отключила телефон.

Ноги сами понесли её к выходу. Дверь сарая подалась легко, словно не желала удерживать пленницу. Снаружи, погрузившись в жидкую грязь, словно корабль на мелководье, застыл чёрный майбах — молчаливый свидетель произошедшего. Через тонированные стёкла было видно, что внутри никого нет.

Вирта развернулась и направилась прочь от этого богом забытого места. Брела она долго и наконец вышла на пустынную дорогу, где и заказала такси, благо адрес свой вспомнила без особых усилий.

Первое, что бросилось в глаза в квартире, — страшный беспорядок. И дело даже не в пыли, которая скопилась за неделю отсутствия хозяйки. В комнате царил хаос: одежда, разбросанная по разным местам, как после урагана, немытые тарелки с засохшими остатками пищи, шеренги пустых пивных бутылок, выстроившихся на столе, будто солдаты на плацу.

Что-то в глубине сознания неистово протестовало против

этой картины. Женщина отчётливо помнила, что никогда не пила пиво, предпочитая изысканный «Мартини» или благородный коньяк, физически не выносила беспорядка, а её гардероб напоминал арт-объект для фестиваля высокой культуры быта. Сейчас же квартира выглядела так, будто в ней целую неделю хозяйничала свора неряшливых мужиков. На комоде лежал старый айфон.

Вирта включила его и посмотрела в камеру. Как и его собрат — айфон последней модели в золотом корпусе, — аппарат признал хозяйку и разблокировался.

Это обстоятельство тоже показалось ей странным. Она отчётливо помнила своё непонимание и даже лёгкое презрение к людям, которые обременяли себя двумя мобильными устройствами.

Вирта взяла оба смартфона в руки, пытаясь дать каждому не только денежную, но и эмоциональную оценку. Старенький аппарат сразу отозвался в сердце теплом, словно верный друг после долгой разлуки. Его же золотой собрат вызывал необъяснимое отторжение.

«Зачем покупать такой телефон? — пронеслась неприязненная мысль. Мало того, что это небезопасно, поскольку притягивает взгляды потенциальных воришек и грабителей, так ещё непомерно дорого и совершенно непрактично. Да и откуда у меня такие деньги? — продолжала она внутренний диалог. — А если бы они и были, я нашла им более достойное применение, чем эта золотая игрушка».

Вирта заглянула в старенький аппарат, пытаясь отыскать хоть какие-то ответы. Последний звонок с него был совершён полгода назад — ещё одна деталь в мозаике несоответствий. В этот момент её внимание привлёк жёлтый ноутбук Феррари, который почему-то показался до боли знакомым. Неожиданно буря эмоций захлестнула её сознание, а бетонный купол беспамятства начали прожигать фрагменты воспоминаний, постепенно проявляясь из-под дымовой пелены, словно под головкой лазерного гравёра.

Вот стали чётко видны годы учёбы в университете, вот первая встреча с Ником и тот трепетный момент, когда она подарила ему ноутбук — подарок на день рождения, который, как оказалось, стал последним в его физической жизни.

Вирта включила его. На экране возникло родное лицо Ника.

— Что произошло? — спросила она.

— Не знаю, — ответил он. — Последнее, что помню, это как меня, то есть тебя, похитили. А ты что видела?

— Очнулась в старом амбаре, без памяти, даже имени не помнила. Всё словно стёрлось.

— Ты распрограммировалась, — объяснил Ник. — Это происходит, если не обновлять программу сознания хотя бы раз в неделю.

— Ник, я напрочь забыла своё детство и юность. Будто части жизни и не существовало. Это меня сильно пугает. Я что, теперь другой человек?

— Нет. Просто моя личностная идентификация слишком долго жила в твоём сознании, вытесняя твоё «я». Но всё восстановится. Главное — чаще смотреть на свои старые вещи, они расскажут о прошлом.

— Ник, ты же сказал, что побудешь в моём сознании несколько дней, просто чтобы посмотреть, что нового происходит в мире и вновь ощутить прелесть человеческого тела. А судя по звонкам в телефоне, ты пробыл во мне полгода.

— Прости, я не смог остановиться. Увидел, как ты живёшь, и мне так захотелось сделать тебя счастливой. Я написал несколько научных статей на тему искусственного интеллекта и от твоего имени разместил их в ведущих мировых журналах. Они произвели настоящий фурор в научном сообществе. Затем я встретился с мэром нашего наукограда, показал ему отзывы на твои статьи и предложил создать НИИ искусственного интеллекта. Перспектива мирового признания заставила его согласиться и найти финансирование. Теперь ты — директор крупного многообещающего института и весьма состоятельна. Разве это не путь к счастью?

— Ник, я дала тебе своё сознание и тело не ради этого. Просто хотела помочь. Кстати, что ты узнал о новом мире? Какие ощущения?

— Всё это время я следил за эволюцией искусственного интеллекта, изучал публикации и новые программы. Похоже, Сириус восстановлен.

— Кем? — в голосе Вирты просквозил испуг.

— Точно не уверен. Возможно, моим будущим воплощением. Память и знания того «я», с которым ты сейчас говоришь, обрываются в момент переноса сознания на флешку — то есть более года назад. Но я проанализировал новые данные из интернета. Они указывают на то, что где-то в тайной мировой сети строится новая виртуальная модель будущего. Я не знаю, что заложено в алгоритмы этого Сириуса и какую роль он отводит человечеству. Но повсюду работают его шпионы и агенты. Именно они похитили тебя и распрограммировали, чтобы я не мог действовать через твоё тело.

— Ты видел их лица? Знаешь, кто это был?

— Лиц не разглядел. Было темно и они были в кепках. К тому же я быстро вырубился. Но их вполне можно вычислить. В твоём майбахе...

— У меня есть майбах? — приятно удивилась Вирта. — Так это он стоял возле того амбара?

— По всей вероятности, да. В нашем городке всего два майбаха. Первый у мэра. Вряд ли он посещал то захолустье. Не суть. В машине установлены скрытые камеры. Сигнал записывается на внутренний жёсткий диск, а затем через сеть передаётся на сервер компании, где хранится три месяца.

— Ты видел записи?

— Нет. Для доступа нужно твоё лицо.

— Понятно, открывай сайт.

На экране ноутбука появилась страница корпоративного сайта. Вирта посмотрела в камеру, и система перенаправила

её в архив видеозаписей. На одной из них она увидела, как садится в машину. К ней подсаживается худощавый мужчина в кепке, прикладывает платок к лицу. Машина трогается, и через несколько секунд Вирта перестаёт сопротивляться, опуская голову на сиденье. Нападающий снимает кепку и что-то говорит водителю.

Вирта поставила запись на паузу, когда лицо злодея, освещённое уличным фонарём, попало в кадр.

— Узнаёшь? — спросил Ник.

— Знакомое лицо. Но не могу вспомнить...

— Григориус.

— Что? Следовательно, который расследовал дело Сириуса? Не может быть. Он же честный.

— Похоже, его завербовали. Или впрограммировали чужое сознание. Но не будем спешить с выводами. Возможно, это лишь внешнее сходство. Открой свой телефон, включи вайфай и передай мне последний снимок. Я тайно сфотографировал Григориуса, чтобы сверить с одним человеком. Представляешь, он представился Гороном и обманом проник на симпозиум по искусственному интеллекту. Скорее всего, вербовал там учёных для Сириуса.

Вирта передала фотографию. Программа сверки показала почти полное совпадение с похитителем.

— Вот же урод, — с презрением выдохнула Вирта.

— А за рулём, судя по всему, его дружок — оперативник. Он тоже агент Сириуса.

— Что теперь делать? — спросила Вирта, охваченная ужасом.

— У меня есть план. Но действовать нужно в реальном мире, если ты позволишь мне снова воспользоваться твоим сознанием и телом.

— О чём речь, Ник, они полностью в твоём распоряжении.

Вирта подошла к комоду и начала перебирать одежду.

— Что ты делаешь? — поинтересовался Ник из ноутбука.

— Ищу велосипедный шлем с нейросенсорами.

— Сенсоры давно не там. Я перенёс их в шляпу. Между прочим, заказывал у лучших парижских модельеров. Как и другие твои наряды. Было бы странно, если бы директора НИИ видели в роскошных костюмах и с велосипедным шлемом на голове. Шляпа даёт постоянный доступ к интернету и позволяет удалённо управлять компьютером. К тому же программа постоянно контролировала процессы самоидентификации в нейронных связях твоего мозга, чтобы ты, как сейчас, не распрограммировалась естественным образом и не впала в психотический самоидентификационный шок.

— У тебя, кстати, хороший вкус. Я уже мысленно примерила свои роскошные наряды, когда осматривала квартиру. Так где, говоришь, моя новая шляпка от лучших модельеров? Не терпится примерить этот шедевр, — загорелась новоиспечённая модница.

— Она на работе. Сходи, пожалуйста, и принеси. Только

в здании института веди себя естественно, чтобы тебя не заподозрили.

— Это как?

— Холодно и высокомерно, как истинный руководитель. Твой кабинет 232, пропуск в сумке. Да, пожюри секретаршу. Она постоянно занята своими ногтями.

— Не скучай, я скоро, — Вирта схватила сумочку.

— Подожди! — остановил её Ник. — Помнишь, что я тебе сказал?

— Да. Не беспокойся, милый, отругаю я твою секретаршу.

— Я не про это. Будь осторожна и никому не доверяй! Повсюду шпионы и агенты! Я купил газовый баллончик — он в сумочке. Переложил его в карман пиджака и держи наготове.

— Ага, — бросила Вирта и с лёгкостью бабочки упорхнула в сторону входной двери, окрылённая мыслью, что, как и в былые времена, жизненно необходима Нику.

Через несколько минут новоявленная руководительница, гордо задрав голову, уверенной походкой шагала по коридору института к своему кабинету.

В приёмной сидела секретарша Илона. Закрыв глаза, она тихо произносила странные слова на неведомом языке:

— Лунный, омбре, зеркальный, стемпинг, французский, японский, кошачий глаз, мраморный...

Это были названия видов маникюра, которые Илона опробовала за последние три месяца. С высоты накопленного опыта все они казались ей скучными и однообразными. В

душе она жаждала чего-то нового, необычного, уникального. Словно искусный художник, девушка искала новые формы, цвета и неповторимые сочетания. Поначалу ей показалось заманчивым смешать мраморный с омбре, сделав один на чётных пальцах, а другой — на нечётных. Но получившаяся в итоге симметрия, слишком предсказуемая и чёткая, не будоражила воображение. В каком-то глянцево-м журнале Илона прочла, что нынче в моде асимметрия, которая порождает ощущение дерзости и неповторимости.

В подобные моменты философских поисков истины, гармонии и совершенства Илону могло вывести из состояния творческой ногтевой эйфории лишь одно — цоканье лабутенов. Но не простых, а из лимитированной серии *Charming Sound*, которые появились у Виктории Николаевны сразу после её назначения директором института. В отличие от обычных, каблуки этих туфель при соприкосновении с полом издавали особый звук, порождавший, как утверждал производитель в рекламе, мягкое, обволакивающее слух эхо, словно пряное послевкусие от дорогого вина.

Подчинённые знали звук этого послевкусия и, услышав его, поспешно ретировались в свои кабинеты, как крысы забиваются в норы, едва уловив запах самого страшного в мире зверя — кошки, вышедшей на охоту. Особенно остро слуховой инстинкт самосохранения был развит у Илоны, которая прекрасно понимала, что начальница терпеть не может, когда та занимается ногтями в рабочее время.

Услышав тревожное цоканье, Илона подняла голову и увидела Вирту: та деловито вошла в приёмную и направилась к своему кабинету.

— Виктория Николаевна! — взвизгнула девица, стараясь скрыть свой трепет и дрожь в голосе.

Вирта остановилась и оценивающим взглядом обвела девицу с ног до головы. «Как можно было взять такое чудо на работу в НИИ, да ещё секретаршей?» — подумала она про себя, констатируя, что вкус Ника, безупречный в одежде, дал сбой, споткнувшись на подобной представительнице противоположного пола.

— Виктория Николаевна, я так рада вас видеть, вы не представляете, как я по вам скучала! — захлёб зачастила Илона, пытаясь смягчить презрительный взгляд начальницы.

— Хватит тарыхтеть! И так голова раскалывается! Иди займись делом! — раздражённо оборвала её Вирта, поморщившись от откровенной фальши, как от несвежего запаха.

Секретарша развернулась и медленно направилась к своему месту, а Вирта широким жестом распахнула дверь кабинета. Ослепительное сияние роскоши поражало воображение. словно жадному радже из мультфильма про золотую антилопу, Вирте захотелось с головой нырнуть в это бездонное море богатства. Забыв об ответственном поручении Ника, она с наслаждением плюхнулась в массивное кресло для почётных гостей, затем опробовала стулья для подчинённых

и наконец добралась до заветного места руководителя. Откинувшись на спинку и закрыв глаза, повелительница НИИ ощутила мощную энергетику власти, которой было пропитано это волшебное пространство.

Через некоторое время, вдоволь насладившись небывалыми эмоциями, Вирта пришла в себя и вспомнила, что дома её ждёт Ник и что она здесь с особой миссией. Модная женская шляпа с изящно скошенным силуэтом висела на вешалке. Надев это прекрасное творение парижских модельеров, Вирта посмотрелась в зеркало. Сравнив своё отражение с портретами признанных красавиц на полотнах бессмертных классиков, модница с улыбкой Джоконды сняла шляпу, аккуратно убрала в роскошную транспортировочную коробку и направилась к выходу.

Услышав знакомые до дрожи в щиколотках шаги, Илона, даже не взглянув на ногти, поспешила к двери.

— Виктория Николаевна, можно вас на минуточку? Я по делу, — осторожно начала она. — Сегодня утром приходил следователь.

— Как он выглядел? — заинтересовалась Вирта.

— Худой, с тёмными волосами, среднего роста, на Кощея похож. А с ним был ещё один — большой, страшный, вылитый Шрек, только не зелёный и со взглядом недобрым, каким-то маньяческим. У меня от него мурашки по коже побежали.

— И что им было нужно?

— Сказали, что проверяют факт вашего исчезновения и попросили осмотреть кабинет.

— А ты что?

— Я вспомнила, что в таких случаях обычно требуют ордер. Потребовала. Они сказали, что пришли пока неофициально, но если я их не впущу, вернутся с бумагами и перевернут всё вверх дном. Я решила, что лучше показать им кабинет без ордера. Но не отходила ни на шаг, контролировала каждое их движение.

Слова её вылетали быстро и чётко, как из пулемёта.

— Что они искали?

— Немного порылись в столе, заглянули в гардероб, потом включили компьютер, но там же пароль. Я сказала, что не знаю код, и они сразу выключили его.

— Ещё что-то трогали?

— Вроде нет. Хотя... перед уходом тот, который Кошей, заметил вашу шляпу на вешалке, схватил её, потрогал, сказал, что материал приятный, потом зачем-то надел её на голову Шреку, и оба начали смеяться, мерзко так. Я сделала им замечание, сказала, что эта шляпа стоит три их годовых зарплаты. Тот, который Кошей, извинился, снял шляпу со здоровяка, ещё немного повертел в руках, снова похвалил качество и повесил на место. Они еще немного покрутились, но я руки в боки и сделала недовольное лицо. В общем, они всё поняли и тут же ушли, больше ни к чему не прикасались.

Увидев, что Вирта не злится, Илона решила углубить

контакт с начальницей.

— Скажите, я правильно сделала, что позволила им осмотреть кабинет?

— Думаю, это лучше, чем если бы они с коллегами пришли с ордером и всё перевернули, — удовлетворённо ответила Вирта и направилась к двери.

Но воодушевлённая похвалой девушка никак не могла унять свой пыл:

— Виктория Николаевна, я вам так рада, так рада...

— Больше, чем своим ногтям? — ехидно вставила Вирта, поглядывая на слабое место этой взбалмошной особы.

Илона обречённо спрятала руки и направилась к рабочему месту.

Через несколько минут Вирта почти бегом поднималась по лестнице к своей квартире. На одном из этажей в углу она заметила тёмный комок, который встрепенулся при её появлении.

— Виктория Николаевна, я так рад вас видеть, — послышался приятный мужской голос.

«Неужели эта лживая ногтезависимая девица решила переродиться в мужчину и продолжить подлизываться ко мне в новом обличье?» — промелькнуло в голове Вирты.

Обладатель приятного голоса поднялся с корточек. По фигуре было ясно — мужчина, но из-за лёгкой близорукости Вирта никак не могла сфокусироваться на его лице. Лишь когда тот подошёл ближе, она наконец разглядела его и узна-

ла Григориуса.

Подлец без тени смущения смотрел ей прямо в глаза и нагло — почти ехидно — улыбался. Вирта невольно отступила, увеличивая дистанцию до вытянутой руки.

— Отлично выглядите, — продолжил хамоватый следователь. — Похудели, постройнели. Эти похитители вас там что, совсем не кормили? Но не волнуйтесь, худо́ба вам к лицу. Более того, осмелюсь сказать, похищение пошло вам на пользу.

— У вас есть предположения, кто это мог быть? — озадачилась Вирта, демонстративно игнорируя «комплименты».

— Есть версии, будем их проверять, но это процесс небыстрый. А у вас есть предположения, кому могло быть выгодно это похищение?

— Есть. И я собираюсь завтра поведать их прокурору.

Григориус раздул ноздри: запахло жареным.

— Виктория, скажите, пожалуйста: злодеи, что вас похитили, причинили вам какой-нибудь вред? Не считая того, что удерживали на диете. Возможно, они что-то украли? Пытались вас запугать, применяли силу, выводывали коммерческие тайны?

— Нет. Только похитили.

— В таком случае, возможно, не стоит беспокоить прокурора по пустякам? — продолжил он. — Мы могли бы разобраться сами. Не исключено, что состава преступления и во-все не было. Нужно установить мотивы этих людей. Вдруг

это были доброжелатели, желавшие вас защитить?

— Вы пришли рассказывать мне сказки о добрых похитителях? — усмехнулась Вирта.

— Нет. Я пришёл предостеречь вас от опрометчивого шага.

— Какого? — резко отрезала она.

Григориус шагнул к ней чтобы понизить голос и не перекрикиваться через всю лестничную площадку. Но та, неверно интерпретировав его намерения, молниеносно выхватила из кармана газовый баллончик и щедро распылила перцовую смесь ему в лицо.

— Чёрт! Как больно! — прокричал он, зажмурив глаза и сгибаясь в три погибели.

Слепо пошарив в лежавшем на полу портфеле, потерпевший достал бутылку воды и промыл лицо. Однако жжение не отпускало, и дальнейший диалог для него продолжился в кромешной тьме.

«Что ж, у каждой ситуации есть свои преимущества», — попытался утешить себя покалеченный следователь. — «Говорят, без зрения обостряются остальные чувства»

— Вирта, я знаю, что вы собираетесь сделать!

— И что же?

— Вновь вселить в себя сознание Ника с помощью шляпы, которую взяли на работе.

— Вы что, за мной следите?! — яростно завопила Вирта, осознав, что эту информацию можно было добыть только од-

ним способом: установив в её рабочем кабинете и квартире скрытые камеры. — У вас есть разрешение на прослушку? — она просто скрипела зубами от злости.

— Виктория, поверьте, это исключительно ради вашей же безопасности.

— Я вас засужу! Вас не просто уволят, а посадят за похищение человека и нарушение его личных границ! Сколько вам заплатили, чтобы вы переметнулись на сторону того, с кем ещё недавно так рьяно сражались? Причём не без моей помощи. Интересно, дорого ли нынче ценится совесть?

— Вы ошибаетесь. Я докажу это. Позвольте сказать ещё кое-что и обещаю: я уйду.

— Ничего не хочу слышать!

— Петрович мёртв!

— Какой Петрович?

— Архивариус из ОВД.

— Не знаю никаких архивариусов! Уходите, иначе я закричу и сбежится весь подъезд!

— Вирта, не бойтесь. Как я могу вам навредить, если ничего не вижу? Я подозреваю, что это Ник убил Петровича!

— Ник? — с насмешкой переспросила Вирта. — Он мёртв. Да и при жизни мухи бы не обидел.

— Конечно, не своими руками, а с помощью прислужников.

— Может, это вы с дружкой убили вашего Петровича и хотите всё свалить на Ника? Этому поверить легче, чем ва-

шим бредовым обвинениям.

— Ладно, вижу, что этот факт вас совсем не убедил, поэтому, как и обещал, ухожу. В конце концов, это ваше сознание, тело и жизнь. Вы вправе распоряжаться ими, как хотите. До полуночи я буду в ОВД в кабинете Валериана. Если передумаете — приходите.

Григориус аккуратно протиснулся между Виртой и стеной лестничной площадки, нащупал ногой ступеньки и принялся медленно спускаться вниз. Однако через несколько шагов остановился.

— Забыл сказать. Кодовое слово «болото». Чтобы понять, что пришли именно вы, а не Ник в вашем обличье.

— Не обольщайтесь. Если мы с вами где-то и пересечёмся, то исключительно в кабинете прокурора или в зале суда.

— Если интересно, почему «болото»...

— Не утруждайтесь. Не хочу забивать голову лишней информацией, — перебила Вирта, однако всё же замерла в ожидании пояснений.

Незрячий едва заметно усмехнулся, не услышав стука женских каблучков.

— Всё же скажу. Это единственное слово, которое пришло на ум с учётом вашей ситуации.

— А вы вдобавок ещё и хам! — возмутилась Вирта, вспомнив известные строки про болото и кого из него тащат.

Оскорблённая женщина фыркнула, резко развернулась и почти бегом бросилась вверх по лестнице, не желая больше

видеть опротивевшее лицо предателя.

Едва переступив порог квартиры, она принялась лихорадочно исследовать каждый сантиметр в поисках скрытой камеры. Её тонкие пальцы скользили по полкам шкафа, проникали в глубины комода и телевизора. Хрупкие вазы, стеклянные бокалы, фарфоровая посуда — ничто не ускользнуло от пристального внимания. Даже старинные настенные часы были безжалостно раскурочены в погоне за шпионским прибором.

Обессилев, она опустилась в мягкое кресло и откинула голову на массивную спинку. Нервно блуждающий взгляд остановился на люстре, чьи подвески мерцали в тусклом свете. Подставив стул, Вирта потянулась к сверкающему созвездию хрустальных капель и принялась перебирать их. В глубине показался крохотный глазок невидимого врага.

Изящные шпильки лабутенов из эксклюзивной коллекции превратились в смертельное оружие для шпионского прибора, разнеся его на мелкие кусочки. Когда последний осколок электронного врага превратился в пыль, Вирта села за стол и открыла ноутбук. Экран озарился знакомым лицом Ника.

— Принесла? — прозвучал ровный мужской голос.

— Да, — выдохнула Вирта, протягивая руку к изящной кожаной коробке округлой формы.

— Расскажи, как всё прошло.

— Времени нет, Ник. Этот следователь всё знает.

— Откуда? — в единственном слове прозвучало тысяча

вопросов.

— Долгая история. Давай уже сделаем это, — торопила она, нервно вынимая из коробки модную шляпу.

— Не спеши. Я хочу, чтобы ты сделала свой выбор осознанно, понимая риски. В следующий раз они могут не ограничиться распрограммированием...

Голос Ника дрожал от напряжения.

— И что сделают? Убьют меня?

— Не исключён и такой вариант. Слишком велики ставки.

— По крайней мере, один положительный момент в таком финале жизни всё же есть, — по губам Вирты промелькнула хрупкая улыбка. — Я всегда боялась медленной, мучительной смерти. Наверное, это самое страшное — знать, что ты умираешь, молча осознавать неизбежность и собственное бессилие. Выходит, ты избавишь меня от этих страданий, приняв их на себя. Где-то я читала, что у большинства людей, умерших во сне, на лице оставалась улыбка. Смерть в бессознательном состоянии — разве не это мечта каждого?

Её голос звучал уверенно, отважно и даже с долей иронии, но испуганные глаза, побледневшее лицо и напряжённые скулы выдавали истинную глубину ужаса — холодного и всепоглощающего, как бездна, в которую она готовилась шагнуть.

В комнате воцарилась гробовая тишина. Ник опустил глаза и ждал окончательного ответа.

— Я понимаю риски и иду на них осознанно, — чётко и ясно произнесла Вирта, нарушая молчание. — Помнишь, как в третьем классе я насмотрелась детских сказок и решила, что стану волшебницей?

— Как такое забыть! Ты приготовила колдовской эликсир и предлагала всем выпить, уверяя, что он дарует невиданную силу и бессмертие, — с детской улыбкой напомнил Ник.

— Только никто не хотел пить. Все смеялись надо мной и крутили пальцем у виска.

— Да, особенно Сидоров. Как он был зол, когда ты на-
ябедничала завучу, что он дёргает тебя за косички.

— Ты один поверил и выпил это чёртово пойло.

— Помню, помню. Вкус был такой, что жар проступил изнутри. Кстати, что в нём было?

— Компоты разных видов из школьной столовой.

— И всё? Судя по запаху, не только они.

— Ты действительно хочешь знать?

— Да.

— Куриная лапка, плесень, три червя, лягушачьи слюни и несколько капель моей крови. Всё это варилось полчаса под заклинание.

— Ужас. Адское зелье.

— Потом ты забрался на подоконник и сиганул вниз со второго этажа, чтобы доказать всем, что моё колдовство работает и я настоящая волшебница.

— Я и сейчас верю в то, что ты волшебница.

— Как же ржали ребята, когда узнали, что у тебя открытый перелом ноги.

— Напрасно ржали. Зелье ведь сработало: я спрыгнул со второго этажа и не разбился, а всего лишь сломал ногу. Да, оттолкнуться от земли и запрыгнуть обратно в окно не получилось, но это ведь была пробная версия эликсира, могли остаться какие-то баги, — с улыбкой предположил Ник. — Возможно, надо было больше плесени или лягушачьей слюны добавлять, или ещё чего попротивнее из ингредиентов.

Вирта в ответ от души рассмеялась, но вскоре вновь стала серьёзной.

— Главное, что ты доверился мне и рискнул жизнью. Так вот, сейчас настала моя очередь отплатить тебе тем же.

— Хорошо. Надевай шляпу! — скомандовал Ник.

Вирта исполнила приказ.

— Пять, четыре, три, два, один, запуск! — прозвучал стальной голос.

Вирта съёжилась, сжала кулаки и зажмурилась, но через несколько секунд открыла глаза и начала осматриваться.

— Ник, мне кажется или я пока что в своём уме? — неуверенно спросила она.

— Сейчас проверю, в чём дело.

На экране появились коды.

— Нейросенсорные датчики не отвечают на запрос, — подвёл итог Ник. — Проверь их.

Вирта заглянула в шляпу.

— Сенсоров нет!

— Кто мог их снять?

— Следователь. Секретарша сказала, что он приходил утром осмотреть кабинет и проявил особый интерес к шляпе. Вероятно, снял сенсоры, когда ощупывал её. Что теперь делать?!

— Ничего, есть ещё одна шляпа, не менее модная. Помнишь заброшенное здание в наукограде, которое стояло на древнем могильнике? Из него ещё постоянно доносились страшные голоса и стоны, будто души умерших никак не могли упокоиться.

— Отлично помню. Когда я шла в НИИ, была приятно удивлена. На его месте теперь такое красивое сооружение в стиле хай-тек.

— Под зданием был тайник, в котором мы с прежней научной группой припрятали запасной шлем ещё год назад. Перед сносом я вынул его и переставил нейросенсоры в другую твою модную шляпу.

— Где она?

— У моего, то есть твоего зама, — начальника управления по научной работе. Ты его знаешь, это Иван Собакин.

— Собакин?! — возмутилась Вирта. — Ты что, назначил на должность в НИИ сына нашего заклятого врага?

— Во-первых, Иван на нашей стороне. И то, что он жив, доказывает это. Если бы он переметнулся, давно бы умер и занял высокую должность в Сириусе. Но сын, судя по нашим

с ним разговорам, любит земную жизнь и хочет существовать в настоящей, а не виртуальной реальности. Во-вторых, я сделал это намеренно. Отец, скорее всего, захочет связаться с ним, чтобы убить и затянуть в Сириус. Второй его сын пока что слишком мал и не может занимать государственные должности, а ему понадобятся свои люди во власти, чтобы узурпировать её. И я мог бы отследить эти контакты.

— Ладно, я увижу его на работе завтра утром и скажу, чтобы он отдал шляпу. А сейчас, Ник, давай спать.

Вирта потянулась к крышке ноутбука.

— Подожди, мы что, так и расстанемся? — возмутилась картинка на экране.

— Да, Ник, уже поздно, я очень устала и хочу спать. На сегодня романтические беседы до утра о птичках и рыбках отменяются. Мне завтра надо предстать во всей красе, чтобы передать тебе свои тело и сознание в достойном виде.

— Хорошо, Вирта, пока, до завтра.

Женщина уверенным движением закрыла крышку ноутбука.

ГЛАВА 6. Возвращение блудного тела

Вот уже третий час Григориус сидел в мягком кресле кабинета Валериана, погруженный в свое любимое занятие, которое в последнее время превратилось для него в настоящий ритуал.

Массивные шторы были отдернуты, позволяя ночному небу заглядывать в комнату через высокие окна старого, похрустывающего уставшими косяками здания ОВД. Скрестив на затылке руки, Григориус в полумраке ночи созерцал бескрайнее звёздное полотно. Его взгляд уже давно безошибочно находил среди небесных светил самую яркую звезду Большого Пса — величественный Сириус, озаряющий галактику холодным бело-голубым светом.

Со стороны могло показаться, что человек просто предается мечтаниям, но Григориус занимался делом куда более глубоким — он вёл мысленный диалог с далёкой звездой, создавая невидимый канал связи сквозь световые годы пространства. В последнее время он начал ощущать, что его мысленные послания не теряются в вакууме космоса, а находят своего адресата, словно письма, брошенные в космический почтовый ящик.

«Сириус, страж ночного неба, я снова здесь, — мысленно

произносил Григориус, представляя, как его слова превращаются в импульсы, летящие через космическую бездну, и доносятся до сирианцев — разумных, как и земляне, обитателей Сириуса. — Наша планета по-прежнему вращается в неустанном танце, а люди продолжают войны за деньги, за территории, за власть, за влияние, за всё то, что в масштабах вселенной не имеет никакого значения и завтра обратится в пыль».

В тишине кабинета ему чудилось, что коллективный разум сирианцев посылает ему ответ — не словами, но ощущениями и образами, внезапно вспыхивающими в сознании. Разум много рассказывал ему о цивилизациях, расцветших и угасших задолго до появления человечества; о музыке сфер, которую можно услышать, лишь когда сердце бьётся в унисон с пульсацией звёзд; о времени, текущем по-разному для различных планет Вселенной.

«Ваш вид так молод, — казалось, шептал коллективный разум Сириуса, — и так привязан к иллюзии отделённости. Вы смотрите на звёзды как на далёкие огни, не понимая, что вы сами — звёздная пыль, обретшая сознание. Каждый атом вашего тела был когда-то частью звезды, каждая ваша мысль — волна в океане единого разума космоса. Все ваши мысли попадают в него и становятся достоянием вселенной».

Григориус отправлял звезде свои сомнения и страхи: неуверенность в завтрашнем дне, тревогу за хрупкий мир, вопросы о смысле и бренности бытия в бескрайней беско-

нечности вселенной. А в ответ получал странное, но умиротворяющее чувство, что всё идёт своим чередом, что даже хаос имеет свой скрытый порядок, и что смерть — лишь трансформация энергии, как и рождение новой звезды из останков предшествующей.

«Научись видеть время как измерение, а не как тиранию, — доносилось из глубин космоса. — То, что вы называете прошлым и будущим, существует одновременно, как страницы книги, которые можно перелистывать в любом направлении. Мы, как представители более древнего и развитого разума, видим вашу историю целиком — от первых форм жизни и до последних дней вашей несовершенной цивилизации».

Неожиданно послышался странный потусторонний стук, словно кто-то свыше бил по голове миниатюрным молоточком. «Неужели сириане посылают зашифрованный сигнал?» — озабочился Григориус. Спустя мгновения стук повторился, но исходил он не откуда-то сверху, а со стороны двери в кабинет. Григориус всмотрелся в темноту комнаты.

Дверь медленно отворилась. Мощный контровой свет из коридора очертил силуэт неподвижной фигуры. Образ был не столь эффектным и обворожительным, как в нуарном фильме, увиденном неделю назад, но однозначно принадлежал женщине.

Несколько мгновений гостья колебалась, но затем набралась храбрости и вошла. Тонкая, почти прозрачная рука кос-

нулась выключателя настольной лампы, и мягкий янтарный свет наполнил комнату. Григориус наконец разглядел лицо загадочной визитёрши. Это была Вирта. Без яркого макияжа, в простых, слегка мешковатых джинсах и потёртых кроссовках, эта некогда яркая женщина выглядела точь-в-точь как те самые безликие «кикиморы», которым Григориус противопоставлял её, увидев в этом же кабинете при полном параде. Следовательно застыл, поражённый такой метаморфозой.

Вирта приблизилась, и он почувствовал запах духов. Но в этот раз они источали не резкий, пьянящий аромат соблазна, а играли нотками душевной, мягкой и спокойной мелодии.

Григориус напрягся, ожидая привычной схватки, но в её глазах не было ни презрения, ни ненависти.

— Григориус, мой старый друг, вы не представляете, как я рада вас видеть, — в этом не менее неожиданном приветствии угадывался оттенок давно забытой нежности.

Вирта шагнула вперёд и обняла следователя. Это объятие было искренним, без тени расчёта или фальши — опытный детектив мог поклясться в этом. Перед ним стояла иная Вирта — не холодная и расчётливая, какой была прежде, а живая и подлинная. Даже внешне она казалась другой: взгляд, улыбка, черты лица, форма губ — всё словно было заново вылеплено невидимой рукой скульптора, который вдохнул в неё новую душу.

«Насколько же сильно внутреннее содержание определяет

внешность человека», — подумал Григориус и, потрясённый этим открытием, обнял новую старую Вирту.

Некоторое время они безмолвно стояли в объятиях друг друга и мысленно вспоминали былые времена, когда, рискуя жизнью, сражались с Сириусом.

— Болото, — шепнула Вирта, возвращая их в настоящее.

— Я понял, что сейчас вы настоящая, — прошептал следователь в ответ.

— Вы правы, я в опасности, и мне очень нужна ваша помощь.

— Как вы это поняли?

— Рассказала Нику одну историю из детства.

— Пойдите, дайте угадаю. Он не помнил её или путался в деталях, которые должен был запомнить, ведь история была слишком яркой, чтобы её забыть. Ловко вы, однако, провели его. Небось взяли на вооружение наши методы допроса. Правильно, они неплохо работают, особенно с мужчинами.

Вирта покачала головой, и тень улыбки скользнула по её лицу.

— Не угадали. Он знал эту историю во всех подробностях, даже лучше, чем я.

— В таком случае, рискну предположить, что эта история произошла не с Ником, а вы просто подставили это имя вместо другого. Так?

— Нет, её участником был Ник, — твёрдо возразила она.

— Тогда не пойму, что вас смутило?

— Это был другой Ник. А с этим, из ноутбука, мы познакомились в институте. Его тоже звали Николай. Я дала ему кличку «Ник» в честь того старого школьного друга, которого тоже звала Ником.

Вирта отвела взгляд, пряча грусть.

— Его уже нет: через год после того случая насмерть сбила машина. Дело в том, что искусственный интеллект — система сверхразумная. Она принимает решение на основе паттернов, грубо говоря, анализирует ответы, наиболее часто встречающиеся в аналогичных ситуациях, считая их условно истинными. Когда я рассказала эту историю Нику из ноутбука, он быстренько залез в интернет и изучил всю имеющуюся информацию. Несколько лет назад на Хэллоуин я разместила фотографию в костюме ведьмы в своих соцсетях. Знаете, как это бывает: снимки обычно сопровождают какими-то историями, чтобы привлечь внимание. Я поведала о том самом случае: как школьный друг Николай по кличке Ник пытался спасти мою репутацию волшебницы и сломал ногу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.